

**МУСАТОВА
ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА**

закончила филологический
факультет Московского
университета им. Ломоносова.

Печаталась в газетах
«Вечерняя Москва»,
«Народная газета»,
«Neues Leben»,

«Московский комсомолец»,
«Литературная газета», журнале «Belle».

Публиковала стихи и прозу в сборниках, русско-
болгарских альманахах «Светопись», «Созвучие».

Несколько стихотворений переведены
на болгарский язык.

Становилась победителем ряда
музыкально-поэтических
фестивалей как автор и исполнитель.

Лауреат литературного конкурса «Звёздное перо».

Автор сборника стихов «Инь и я».

Состоит в Союзе Журналистов России.

Является руководителем литературного объединения
«Вертикаль» города Белоозёрский.

Юлия Мусатова

.. СОЖЖЁННАЯ ТРОПА

**СТИХИ
И
ПРОЗА**

ISBN 978-5-907463-31-8

9 785907 463318 >

Юлия Мусатова

СЖЖЁННАЯ ТРОПА

СТИХИ И ПРОЗА

СЕРЕБРО СЛОВ
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-4
М 91

М 91 Мусатова Ю.В. Сожжённая тропа. Стихи, проза / Юлия Мусатова – Коломна: Серебро слов, 2021 – с.134, илл.

В предлагаемой читателю книге «Сожжённая тропа» счастливо пересеклись многие виды литературных жанров: стихи и повесть, эссе и роман, очерк о родном деде, войне – победителе и радостные автобиографические повествования с неповторимыми деталями детства и отрочества подмосковного бытия недавних, советских, но счастливых времён.

Трудно переоценить все произведения, выполненные на одном дыхании.

Нельзя не остановить внимание на стремительном бое наших «афганцев», начисто испепеляющем, казалось, илюдей, и землю, но, по воле Божьей, оставшихся в живых.

Несомненно, подобные произведения навсегда остаются в русской литературе как пример для осознания своей души и готовности к подвигу. Они и сейчас, вольно или невольно, «зацепят» сердца читателя.

Автор признателен своим товарищам по литературному творчеству – С.С. Антипову, З.К. Корниенко и всем, кто был рядом при создании книги. Низкий поклон Л.А. Дудину за детальное и глубокое редактирование текстов.

ISBN 978-5-907463-31-8

© Мусатова Ю.В., 2021

© Бубнов Д.С., обложка, 2021

© Серебро Слов, 2021

«ТЕ САМЫЕ ЧИСТЫЕ РОДНИЧКИ...»

Когда в нашей литературе появляется что-то необычное, высокое, отличительное от среднего уровня, то одержимый «ревнивец» российской словесности, верней, проходимец в её светлых куцах, бывает искренне удивлён: «Да неужель это он (она) сотворил (сотворила)?» И, пожимая плечиками, не сомневаясь, резюмирует: «Этого не может быть. Не может быть и всё! Тут что-то не совсем так...»

Но я уверенно отвечу: «Всё так. Совсем всё так. Талант рядом с нами всегда может быть».

И вспоминается разговор с классиком отечественной литературы Владимиром Фирсовым. Он очень понятно ответил на вопрос о теперешнем состоянии русской литературы: «С горечью отмечаю, что окрест царит унылое однообразие. Словоблудие. Какая-то обречённость. Но и среди этой тусклой писанины можно встретить в глубинке страны чистые роднички зарождающихся строчек и образов настоящих авторов».

Просматривая произведения Юлии Мусатовой, вошедшие в книгу, от начала до конца можно наслаждаться естественностью повествования и в наслаждении видеть те самые «чистые роднички... строчек и образов». И заволнуется сердце, от радости не давая покоя.

Работая в мире журналистики, автор никак не могла пройти мимо этой захватывающей темы. И появляется на свет произведение с интригующим названием «Роман о Романе». Какие тернии опутывают героев! Какие сладкозвучные голоса сирен заманивают молодых людей в свои демонические сети! И в тревоге ждёшь: что окажется важнее – те самые тридцать сребреников или отказ во имя сохранения своей, Богом данной, души?.. Но почему-то автор разрешает вопрос в пользу иудиных монет... Строки бьют во все колокола, напоминая, что сатана жив, что он ежечасно преследует нас. По сути та же сверхзадача решается и в повести «Сожжённая тропа». Но уже при совершенно других обстоятельствах. Здесь «Афган». Здесь идёт война, и свист пуль даёт очень быстрый ответ на загадки души. И душа как-то отходит.

Но разум воина ещё долгие годы будет терзаться в сомнениях: кем был тот самый враг? Сатаной? Человеком? Но понимаем, что – во всяком случае – не ангелом. Так что же происходит?

Герои обоих произведений живут в одно время, возможно, что их детство прошло в одном городе, в одной школе. А дальше – у каждого свой выбор.

Война в Афганистане вошла в наши сердца и юношескую память автора изначально как освободительная миссия советских воинов-миротворцев. Об этой войне сначала ничего не говорили. А на местах, иногда, дело доходило до глумления и отторжения участников кровопролитных боёв – «да кто вас туда звал?» Но вернулись «афганцы» домой... А у войны лицо не женское. А героизм-то – он везде героизм и на большой войне и на малой.

Жизнь не раз сводила автора с «афганцами». Они разные, но все, как один, конкретные поступки предпочитают многословию. Слова «смерть», «кровь», – в лоб эти люди не упоминают. Лично про себя героических историй не рассказывают. И ни разу не услышано осуждения душманов.

Только упрямые факты, и ничего личного. Потому что ой как не просто было определиться нашим бойцам на той неоднозначной войне.

Юлия Мусатова близка с «афганцами». Она многослушала ребят, и с каждым разом росло желание рассказать в небольших историях о тяжёлой работе войны. Для достоверности деталей она прошла по тропам турецкой пустыни Карапынар, по Аравийским барханам в Египте, бродила по бескрайним пескам Сахары в Тунисе.

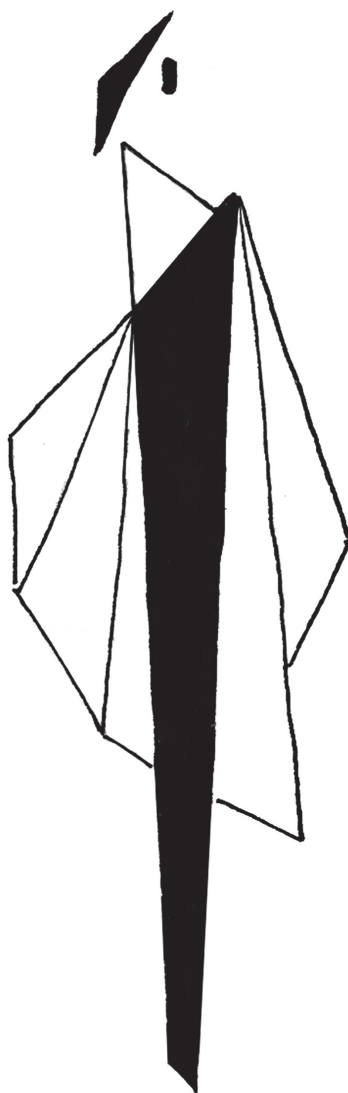
Нет необходимости освещать, как автором создавался психологический и внешний образ каждого воина. Только мастер мог сотворить «Сожжённую тропу» и совсем не пустынный пейзаж огненного Афганистана. Правдиво сотворить, смело, волнительно.

*Действительный член Академии Российской словесности,
лауреат Всероссийской литературной премии
им. М.Ю.Лермонтова,
Леонид Дудин*

I

СТИХИ

Бессонница

Нечасто я стремлюсь облечь в слова
Явления пространства и природы,
Но клонится к ладоням голова,
И в образ погружаются разводы.

Хотелось хоть немного помолчать
О сказанном десятки раз и все,
Да выдаёт поэзии печать,
Бессонница идиллию рисует.

Придумать новый силуэт стиха...
А лучше обновить бы босоножки,
И, цокая подковкой каблучка,
Прогуливаться с франтом по дорожке.

Расставлены по полочкам слова.
О, Бог-Морфей, сомкни ко сну мне очи!
В безоблачности тонет голова,
А я всё не могу поставить точки...

Ахматова в Черкизово

Она здоровалась с тропею на заре,
В тумане растворяясь над рекой.
Молила Господа о сыне, о добре,
В камнях погоста находя покой.

А взгляд искал далёкие поля,
Где конницей была трава примята...
Но нет. Коломны древняя земля
Не приняла ордынского Ахмата.

Осенняя акварель

Цветы всё ярче, всё осенней,
Всё бархатистее цвета.
Расставшись с бледностью весенней,
Теперь нарядна красота.

Настояны махровым духом,
Нас астры благостно пьянят.
Но рвать, даря цветы подругам,
Сентябрь принудит ли меня?..

Марафон

Пыль дороги мягким пленом
Мои ноги согревает.
Пробежусь-ка по Вселенной,
Ветер в спину погоняет.

Побегу от дома к дому,
От реки и до реки.
Отдышаться понемногу,
И опять вперегонки!
Высоко под облаками
Жаворонка кувырканье,
Догонялки с мотыльками,
Свирестенье, стрекотанье.

Коль устану, у колодца
Остудиться мне придётся
Ледяной, живой водой.
Только жаль – не возвратиться,
И душой не освежиться,
Зачерпнув воды в ладонь...

Брось меня

Брось меня – и я уйду
И легко и безнадежно,
В память, сотканную нежно
Узелками на беду.

В память, связанную тьмой
Безучастного молчанья –
Без слезы и без отчаянья,
С перемётною сумой.

Брось меня – и упаду
На Арбатскую брусчатку.
Только в жизни опечатку
Не исправить на ходу...

Сон сказочника

Зима проснулась накануне января
От инея, приникшего к ресницам,
Дыханием окно посеребря,
Из дома выпорхнула птицей.

Снежинки, прилетевшие с небес,
Её увидя, закружили в вальсе,
И опустились – сожаленья без
И без печали – в лёгком реверансе
На лебедино-белый сгиб спины.

О, чистоты и хладнокровья нег!
Ганс Христиан сквозь дрему видел сны
Про королеву девственного снега...

Расставанье с домом

Когда я расставалась с домом,
Хотелось мне раскатов грома,
И молний, пепелящих душу,
Хотелось. Но не стало лучше.

А втайне думалось о том:
Вдруг это выдуманно сном,
И расставанья вовсе не было,
И вижу я не быль, а небыль?

С подобной мыслью встав с утра –
«Да мне домой, домой пора,
Где от настольной лампы круг
Куда надёжнее подруг», –

При всей незрелости ума,
Я ведаю, где быть должна.
Так, заскользив по краешку земли,
Спешу и сомневаюсь – правда ли?

Ну, вот и дом, напротив – липа,
В посёлке городского типа.
Она склонилась мне в привет –
Зачем обрезанною ветвью?
Чтоб не царапнула окон?
Листвой не тронула балкон...

Граница зыбкая холодного стекла,
Где занавеса тень, плетенье кружев?
Но отблеск жалюзи мой взор обезоружил,
И показал дорогу со двора.

Виват дождям

Как оказалась непогода нужной,
Став поводом вернуться за зонтом.
И вовсе не от страха быть простуженной
Вбежала я в пятиэтажный дом.

Где на столе без позолот приборы,
И в люстре недостаток серебра.
Где тихие гитары переборы
Влекут на территорию добра.

Вручили зонт старинного фасона
С изогнутою спицей на краю.
И, в ветре слыша марши Мендельсона,
Я шлёпаю по лужам и пою:

«Виват дождям, и ливням, и капли,
Они смывают слёзы...» – и о том,
Что горевать сегодня стоит мне ли, –
Ведь завтра я вернусь туда! С зонтом.

Мой дед

Дошёл до Кёнигсберга дед,
И, русским будучи солдатом,
Он вёз домой велосипед
Двоим своим ребятам.

По улице ехал устало,
Хлестала сирень по лицу.
Мать на пороге стояла,
Мальчишки мчались к отцу!

Единым порывом объаты –
И слёзы, и радость сквозь них.
Домой возвращались солдаты,
Кто чудом остался в живых.

Дорога к Храму

*Моему Учителю –
академику Российской словесности Л.А. Дудину*

Некстати к сердцу подступила боль –
Таким был день задумчивым и ясным.
Вдруг вспомнилась и Галичская Соль,
И зимний волок – долгим и контрастным.

Вот у обочин стайкой воробьи,
Дымы снежинок вытряхнув из перьев,
До чистого восторга довели
Мальчишку, понимавшего поверья.

Открылся Храм нежданной тишиной,
Открылся золотом иконостасным,
Иной красой, великой, – неземной.
А значит, не был путь напрасным...

Ветер налетел

Ветер налетел с севера,
Не к дождю явно.
И поделом –
Ёлки уже блестят шарами.

Ночь не спала – всё верила:
Вот встанут они рано,
А за окном
Дороги замело снегами.
А любимый станет к ней мил,
Непорочен, как белый настил.
Она ему всё простит,
И вдвоём в ожидании весны
Будут видеть вещие сны...

Ветер поиграл с яблоней,
Разметал по саду листву.
Любимый нежно простился с ней –
И ушёл в свою синеву.

Баллада о Плещее

Я шла вдоль озера коварного Плещея,
И слушала беседы меж собой веков:
Вот Пётр прикрикнул на матроса-ротозея,
А за стенами мытарь стонет от оков.

Без страха шла – из секунда ветровка,
Из хлопка джинсы – много ль взять с меня?
Ни злата для разбойницы-плутовки,
Ни сундука в повозке, ни коня.

Плещей, вернувшись с Берендеева болота,
Сидел, отчаянный, на Камне-Синь.
Бровь приподнял с вопросом: «Кто ты?
Что потеряла здесь? Меня спроси».

Я отвечала, что ищу Поэта,
Что место Кухмарью зовётся меж людей,
И удивилась содержанию ответа –
Неужто предо мной заклятый тот злодей?

«Послушай даль, где зыбкие туманы,
Там струны сердце рвут, печалью полны.
Быть может, зря пошёл я в атаманы,
Стал походить на образ сатаны.

К поляне ты ступай на зов небесной птицы,
Бревенчатого свода и столов там нет.
Увидишь светлые, умытые в купели лица –
Так знай, он будет среди них – Поэт».

Лектор с гитарой

Посвящается поэту и барду

М.А.Кукулевичу

Ещё не наслушались песен
Про Волконских и Трубецких,
Мир огромен, но – тесен,
И вот мы встречаем их –
Идущих навстречу ветрам.
Мы всех пригласим к кострам
Согреться брусничным чаем.
А там уже Мандельштам
Пепел стряхнул, мечтает.
И, не подвластный стихиям,
Ветру читает стихи он...

Течение жизни

Течение жизни не спешит.
Водовороты и потоки
Не милосердны, не жестоки –
Но отражение души.

Я слышу на бегу: «Постой!»
И вот неподвижность. Остановка.
Покой. Тибетская циновка
На стенке комнаты пустой.

И, словно с глубины морей,
Из темноты всплывали свечи,
Чтоб в линии судьбы моей
Тепло и свет увековечить.

Течение жизни, не спеши!
Водовороты и потоки,
Не будьте к Замыслу жестоки
Преображения души.

Мещерская сказка

Вначале было не слово,
Но – жест, полутон, полусмех.
Присесть у костра – что такого?
И смотреть на него – не грех.

Волны песком шуршали,
Шепталась в ночи листва.
Мы не ведали и не знали,
Что коснулись судьбы едва...

Костра разудалые пляски
Отражались в наших глазах,
А про тайны мещерской сказки
Нам дремучий лес рассказал.

К звёздам летело пламя
Гонцом земного огня.
Но искра осталась с нами –
В ладонях. Сказку храня...

Сумерки

Вечер ворчал,
Темень сгущал,
У ночи в добычу
Время тащил.
Кто не успел,
Тот не пищи!

Крал у земли
Крохи тепла,
В круге дупла
вырисовывал
совы овал.

За тайной дверцей

Россыпи шаров на ели,
С отливом тайного мерцания луны,
Мерцают каплями разлитой акварели
На ветках из морской волны.

Заманивают. И прощай, рассудок –
Я в мир иду капроновых бантов,
Крахмаленных, из марли, юбок,
И масок бархатных мастей всех и цветов.

К лицу мне локон голубой – Мальвины,
И платье феи – золотой парчи.
Здесь под руку мы кружим с Буратино,
От счастья мы нашли ключи,

От дверцы тайной. За которой дети
Снежинки клеят на большом окне.
И мама, при настольном свете,
Бант оправляет на косичке мне.

В раю

Хорошо, говорят, в раю –
Райские птицы поют
Прибывшим новобранцам...
Скинули с плеча ранцы
(Такой у рая дресс-код)
И поплыли под небосвод.

Как развеются облака,
Нам помашут рукой: «Пока!
Не печальтесь о нас, ведь тут
Райские птицы поют...»

Отчаянье

Художник, сдавший темноте
Свою последнюю работу,
И композитор, тишине
Души не пожалевший ноту...
Зачем от боли ты кричишь,
Зачем в глазах твоих – отчаяние?
Есть умирание и тишь
Всего вселенского прощания.

Хранит молчания обет
Ветрами трёпаная лира,
Сиянье струн дарило свет
Во благо радостного мира.
Молчат нетленные холсты
В обломках мирового хлама.
Зачем же здесь стенаешь ты
Проникновенно и упрямо?

Ты хочешь вечности отдать
Свою любовь на поруганье,
Ты хочешь научить страдать
Судьбу, лишённую страданья?
И хочешь ты развеять тьму
Познанием былого света.
Но мирозданию ни к чему
Твои вопросы и ответы

Ни про добро, ни про печаль,
Те добродетели отпеты.
Из сохранившихся начал
Исключена душа поэта.

Проводы лета

Красиво засыпает лето
С копной листвы на голове,
Дыханьем солнечным прогрето,
Землёю, спрятанной в траве.

Пульсируя янтарным соком,
Питает яркие плоды,
Что осень может ненароком
Свести на нет его труды.

Зимы дыхание чуть заметно,
Лишь виден иней налёт...
Неужто труд весны и лета
За горизонты унесёт?

И обнажатся молчаливо
Пустые, мокрые стволы...
А впрочем, день прошёл счастливо
Под шелест ласковый листвы.

Оставлены на завтра капли,
Потоки слёз и плач небес,
И ветер, рвущий в срубах паклю,
В сосновых зарослях исчез.

Юнкер и генерал

Хотела крепость описать Петра и Павла,
Защиту в долгой Северной войне.
Но тема почему-то не впускала,
Покоя что-то не давало мне.

Воет волком ветер на причале,
О чём-то камни помнят, но молчат.
Жёны декабристов причитали,
На морозе ожидая палача.

Дворянин Каховский, вы же знали,
Милорадович – герой Бородина.
В спину-то зачем стреляли...
На Сенатской в чём его вина?

Ветер улетел, не в силах видеть
Слёзы захлебнувшейся волны.
Генерал, вас юнкер не хотел обидеть.
Он не знал, что можно без войны...

Явление чуда

Нелёгкий путь завещан нам
Христом – посланником от Бога,
Ведущая в далёкий храм,
Всегда одна к Нему дорога.

Исповедимые пути
Не находя и не приемля,
Нам суждено на Свет идти,
Глаголу истинному внемля.

И на рассвете тонкий сон
Рассеялся явлением Чуда.
Но только был уже рождён,
Из Кориот рождён, – Иуда...

Ты прости

Ты прости, я тебя не услышала
В том саду, где сирень у ворот.
На скамейке под старою вишнею
Я сердце твоё не услышала –
Как тоскует оно и поёт.

Только слышала трели весенние
Голосистого соловья,
И капли по ветке движение –
Как оно волновало меня.
А сердце, прости, не услышала
Ни в ночи, ни среди белого дня.

А теперь до тебя достучаться ли
Сквозь года, километры дорог,
Или белой метелью умчаться мне,
Чтоб избавить тебя от тревог?..

Но всё ждёт нас в саду со скамейкою,
Полыхая, сирень у ворот.
Неужель моё сердце не слышишь ты?
Как тоскует оно и поёт...

Истина

Всё перепуталось в осанне йоги,
Переплелось, неразвязуемо, морским узлом.
Как кривда с правдой в спорах об итоге,
Как
 добро со злом.

Но истина пролита из бокала
Тонкой полоской мотива и ноты.
Гибкая, словно собака борзая,
В узком потоке людей и охоты.

В дымке, оставшейся после тумана,
В рамках приличия – плачем.
Грезим в придуманном самообмане.
С лаем собачьим – скачем.

Есть у истины особенный обычай –
Возвращаться без добычи.

Кофе остыл

Кофе остыл дважды,
Показав реальности грань.
Нет любви – и неважно,
Если жизнь – всего лишь игра.
А жаль...

Да видно, ангелы улетели,
Испугавшись души моей боли,
Закружились, наверно, в метели,
Не возвратятся ко мне более.
А жаль...

Кофе, подогретый дважды,
Я подала бы им, и одежду.
А потом, как они однажды,
Ушла бы в метель,
Но – с надеждой!

Плачет мысль

Город не ответил,
В чём есть жизни смысл,
В суетЕ-суете
Тихо плачет мысль.

Нахлебалась в вихре
Мутного канала,
Насмотрелась в цифре
Телесериала.

И теперь по Сити
Бродит ошалело,
Кривду выносить ей
Ох как надоело.

И сжигать в вулкане
До испепеленья,
И держать в капкане
До белого каленья.

Солнца луч прорвётся,
Мысль угонит к морю.
Но пока придётся
Выпить чашу горя.

День Татьяны

Ангела-хранителя Татьяне –
Девочке-тростиночке моей,
На далёком Острове-Буяне
Чтобы пел ей песни соловей.

Солнца луч обогревал
зимой метельной,
Волны свежестью одаривали
в зной.

Утешал бы ангел
колыбельной,
Если к сердцу не идёт покой.

Светлою зарёй открыл бы двери,
И сияньем комнату залил.
Рано утром дочка скажет: «Верю!
Быть счастливой ангел даст мне сил».

Дней череда

Дней череда – не повседневность,
Но смена красок за окном.
И медленность и постепенность
Луча над письменным столом.

Где ноутбук, мой друг старинный,
И прикорнувший прямо там,
Готов вместить в себя картины,
Шагающие по пятам,

Из темноты бессонной ночи,
Лишив меня тепла и сна...
Я заболею новой строчкой –
Про шелест ветра у окна.

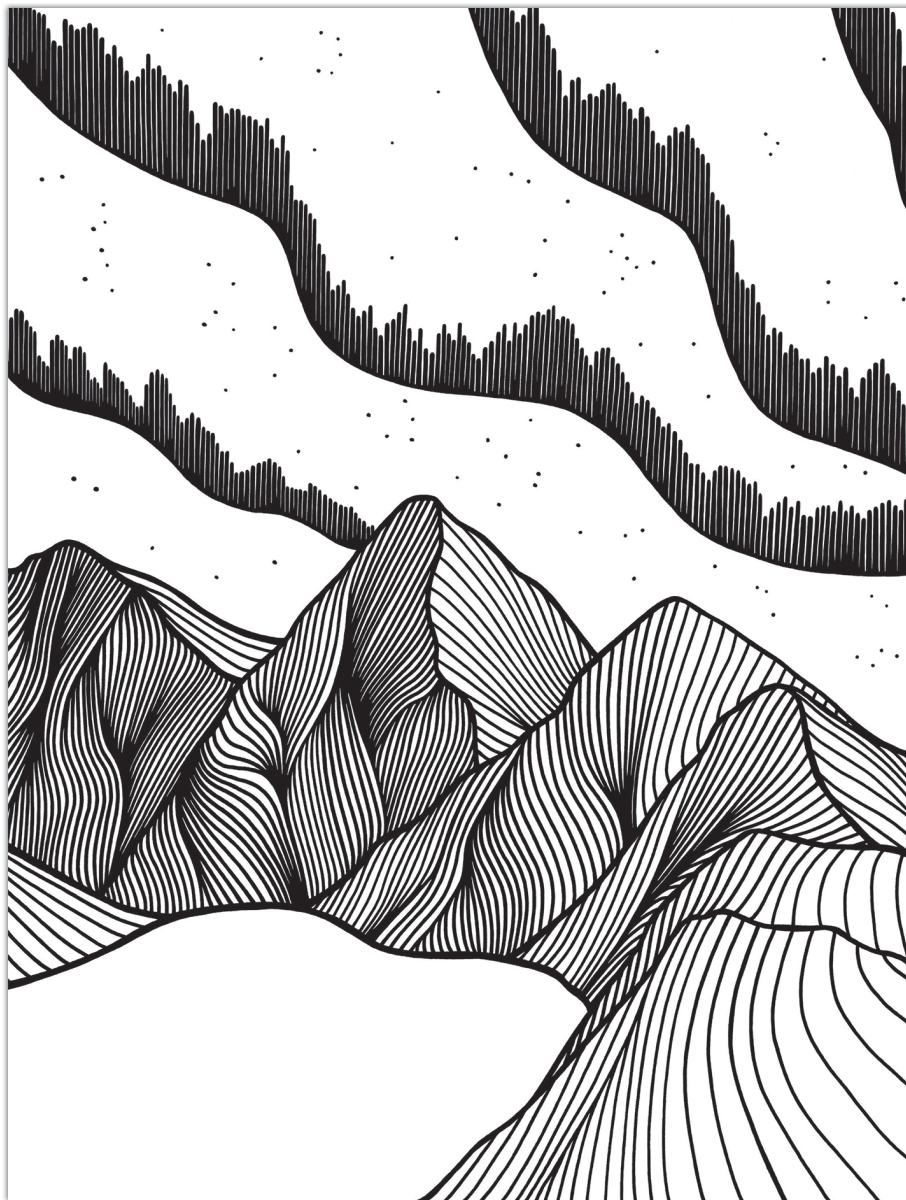
СОЖЖЁННАЯ ТРОПА

ПОВЕСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Опасно водить караваны в горах...»

Из армейского фольклора

За час до рассвета – время атакующего волка (и время внезапной остановки сердца) – спецгруппа Стрижа подошла к горной тропе.

Около получаса понадобилось на то, чтобы спешно, но вполне продуманно подготовить место встречи, а затем так же быстро занять оборону в валунах скальной гряды.

Несколько дней назад группу вертолётom сбросили точно на «сковородку», в раскаленные голые скалы – с чётко поставленной задачей: незамеченными пройти горными тропами на юго-восток, к пакистанской границе, где на стыке гор и пустыни перехватить и поголовно (подчеркнули!) уничтожить небольшой пуштунский караван с оружием.

Караван небольшой, но, как подсказывало Стрижу чутьё, чем-то очень важный. Время и место встречи было определено по донесениям афганской агентуры. Теперь, после филигранного выхода на заданную точку, от группы требовалось только одно – замаскироваться, затаиться и ждать.

За спиной остался изнурительный, почти стокилометровый рейд по глубоким тылам Афганистана. Передвигались исключительно ночами. Днём, под безжалостно палящим солнцем, забивались в щели валунов, где камни прожаривают кожу даже через камуфляж, а пыль забивается в нос, глаза, уши.

И так с самого рассвета дотемна, не вставая, практически не переговариваясь и не принимая пищи, не зажигая огня, чтобы прикурить...

А иначе как? Вокруг немеряные вёрсты, и хозяева здесь – душманы. Для горца нет ничего проще по направлению запаха определить место появления дыма. Тогда не успеешь и вскрикнуть, как всю группу посекут очередями, будто траву.

Наконец, к ночи (тихое время – ночь), а значит, к долгожданным сумеркам и прохладе – стремительный подъём, уничтожение любых следов «привала», скорые сборы. Вещмешок за спину, гранаты на пояс, автомат на шею. И – дальше! С верой в удачу. Со слабой надеждой на рацию и оружие. С чуть большей надеждой на того, кто рядом в цепочке. И ещё на одно, потаённое, – что последний патрон в обойме не даст осечки.

Пока Господь группу миловал. Нигде не напоролись на засаду. Не угодили на минное поле. Ничем себя не обнаружили. Вплоть до настоящего момента.

Если не считать одной неожиданности, которую в мирное время сочли бы за настоящее ЧП. Во время вчерашней днёвки на командира из щели, между маскировочной сеткой и камнями, вдруг выползла полутораметровая, красновато-коричневая кобра. Слегка приподняла плоскую треугольную головку и как вкопанная застыла, бесстрастно уставив на него непроницаемо-тёмные зрачки, буквально в двух метрах.

Стриж (как и каждый из его группы) умел, и мог при надобности, взять любую ядовитую змею в прямом смысле голыми руками. Мог мгновенным ударом каблука расплющить ей голову. Но он не стал делать ни того, ни другого. Оставаясь как бы безучастно полёживать на боку, плавным, чтобы не напугать, движением (испуганная змея способна намолниеносный бросок во всю длину своего тела), достал из-под руки автомат и очень медленно протянул его дуло к застывшей кобре, легонько подтолкнув в бок, в направлении проёма под сеткой. И кобра, словно бы поняв намерение человека (а может – и поняв?...), опустила головку, неторопливо развернулась и юркнула в щель.

На удивлённый взгляд лежавшего неподалеку радиста Касымова (единственного сверхсрочника в составе группы) командир никак не среагировал. Преспокойно уложил автомат под локоть, пристроил голову на выступ камня и закрыл глаза...

Не сказать, чтобы он был большим почитателем змей, как и прочих ползучих гадов, просто командир диверсионной роты старший лейтенант Пётр Георгиевич Стрижов к сегодняшнему дню (шёл

третий год его войны в Афганистане) уже ясно осознавал цену любой жизни. И ни у кого не торопился отнимать её без крайней на то нужды.

Впрочем, он превосходно знал и то, что змея, за редким исключением, не нападает на человека.

Даже если путь к отступлению отрезан, скорее всего, она постарается предупредить о предстоящей атаке. Например, среднеазиатская эфа сложится двумя полукольцами и будет тереться ими друг о друга, издавая потрескивание от ребристых чешуек. Гадюка свистяще зашипит. Гюрза свернётся кольцами, с пощёлкиванием кончика хвоста... Та же кобра поднимется до половины своего туловища и раздует капюшон.

Пожалуй, лишь одна из всех известных Стрижу змей – чёрная болотная гадюка – не так чтобы часто, но всё же встречающаяся в торфяных трясиных русской Мещеры, не стремится избежать встречи с человеком и, случается, нападает первой. К тому же в густой траве или прибрежной осоке она практически невидима. Легче лёгкого наступить на хвост и тут же ощутить укус в щиколотку (поэтому местные жители сызмальства зарубили себе на носу неписанный закон – ни шагу в лес без болотных сапог!). Некоторые из мещеряков знают подручный способ спасения (описанный ещё Авиценной). Кровь укусившей тебя змеи надо немедленно втереть в ранку – в ней содержится противоядие. (Перед этим желательно отсосать кровь из ранки). Но лучше, чтобы в таком антидоте не возникло нужды.

Эх, Мещерские леса! А боровики какие...

Но здесь, в провинции Кандагар, пейзаж с его скалистыми кряжами похож скорее на лунный, нежели земной – валуны, пики, кратеры. Ещё – звенящая в висках тишина, сплошь серо-красный, до бурого, цвет, утомляющий глаза; и ни тебе деревьев, кустика, травинки или хоть какой-нибудь былинки. Что говорить – не благодать лесная...

Как же сладко ему было в редкие минуты полузабытья вспомнить животворящую прохладу Заокской дубравы – особенно после трёхдневного лежания пластом среди горячих камней...

Меж тем начинало светать. Стриж скользнул взглядом по мерцающему циферблату наручных часов, хотя и знал, что до подхода каравана никак не меньше получаса. Затем поднял к глазам бинокль ночного видения. Как и стоило ожидать – никого. Пустыня повсюду, и только пустыня. Бескрайние барханы стройными рядами, словно волны, уплывали куда-то вдаль. А значит – в никуда...

Он непроизвольно вздохнул и ещё раз просмотрел едва заметные даже его опытному взгляду позиции своих подопечных. Что ни говори, а для каждого задача была не из лёгких.

Ждать – уже само по себе тягостно. Но дело не только в этом. По личному опыту знал: когда идёшь на риск – даже, казалось бы, тщательно продуманный – в самый ответственный момент захлёстывает предчувствие, что именно сегодня переступишь ту самую пугающую линию невозврата в эту жизнь. Сам Стриж научился договариваться с этим чувством предельно простой, но убедительной цепочкой мыслей: «Возможно, меня убьют. Но предположим, что уже..., чего тогда бояться?..» Своим «логическим открытием», однако, он ни с кем старался не делиться.

Представление о том, что ты уже мёртв, действует до критического момента. Но страх уходит только вместе с жизнью...

Вдруг, внезапно, на пустынном горизонте над седыми барханами, в предрассветном сумраке, багровой полосой ярко вспыхнула чаша неба. Таких зарниц над далёким родным домом не увидишь, мельком подумалось Стрижу... Но где же этот чёртов караван? Наводки хадовской контрразведки всегда были безупречно точны (как-никак – служба афганской госбезопасности). Хотя...

Хотя в последнее время всё яснее чувствовалось, что в Кабуле творятся какие-то скрытые подвижки. Без лишнего шума то здесь, то там сменялось руководство на местах. Недавно был вызван в центр глава провинции, абсолютно верный партиец. Вызван был как бы для доклада, а повезли – прямо в тюрьму. Да что там, всего полмесяца назад арестовали прикомандированного к его разведбату переводчика-афганца, добродушного, быстроглазого выпускника московского университета им. Лумумбы, с которым Стриж с десяток раз выезжал на броне в отнюдь не мирные кишлаки.

Он намёком поинтересовался у комбата, в чём причина? Но тот плечами пожал. Задавать же вопрос знакомым местным и вовсе не было проку. – Улыбки до ушей, а что на уме – ни в жизнь не угадаешь.

«Скоро они станут рвать друг другу глотки. Уголёк из поддувала уже выкатился!», – вспомнились вдруг слова Неверова двухгодичной давности. Но тогда нечто подобное, что творилось сейчас, и предположить было трудно.

* * *

По всем прикидам нынешний караван должен был стать для Стрижа самым последним. Перед уходом в рейд ему негласно сообщили, что в штаб уже посланы документы на его перевод в Союз.

По возвращении должны дать капитана, и это будет справедливо. Он, что положено, отслужил сполна. Ордена Красного Знамени и Красной Звезды, четыре боевых медали, в том числе - За Отвагу, о чём-то говорят? Да не в одних наградах дело...

Кто поверит, но за три года без малости на переднем крае (а то и подальше) – ни единой, даже малой царапины. Хотя душманы, как оказалось, Стрижова знали. После одного из взятых им караванов они на крови поклялись отомстить. А с полгода назад у застреленного духа в записной книжке обнаружили и номер Стрижовской машины. Это означало, что его приговорили. Правда, в душманскую ловушку попала тогда спецгруппа лейтенанта Кравцова...

Стриж, правда, тогда о приговоре много не раздумывал.

Несколько месяцев назад по дороге к базе попал в засаду, и после быстротечного боя водитель, ефрейтор-срочник, и два офицера – попутчика были убиты. А он лежал у пересохшего арыка, на другой стороне которого, всего-то метрах в тридцати, духи прочесывали округу. На всякий случай уже вырвал из последней гранаты чеку, но те прошли мимо...

Командир Пётр Стрижов снова, в который уже раз, прошёлся взглядом по позициям спецгруппы.

Но сделал это скорее по привычке, так как вполне можно было лишний раз не контролировать. Ни новичков, ни тем более людей случайных в группе не было и быть не могло. Всех и каждого отбирал в рейд самолично. Знал о каждом всё, вплоть до того, что видят во сне.

Всего их двенадцать. Он, Стриж – командир. Начальник радиостанции – старший прапорщик, сверхсрочник Касымов. Остальные десять – сержанты-срочники. У каждого за плечами пять-семь караванов. Лично у Стрижа – два десятка. У радиста Каланчи и того больше. Без преувеличения, за свою голову среди таких не стоит тревожиться. Иди хоть в огонь, хоть в воду, хоть в рейд по афганским тылам.

Вот радист Касымов. Сейчас далеко позади, в глубоком тылу (если здесь вообще уместно понятие «тыл»). И это объяснимо. Радист – глаза и уши группы. Зачастую остаться без связи с базой страшнее, чем без патронов. Душманам прекрасно это известно, поэтому первая пуля – всегда в радиста. А уже добить группу, оставшуюся без связи в тылу врага, это вопрос только времени. Так что в бою он не может быть на переднем крае.

Со стороны взглянуть, роста Касымов небольшого, телом плотный, крепко сбитый, круглоголовый, ну чисто колобок. Откуда же это прозвище – Каланча?

«По делам их узнаете о них» – как написано в Евангелии от Матфея.

Во время одного затяжного боя осколком перебило антенну радиостанции. Тогда прапорщик Касымов под пулями встал во весь рост и, вытянув руку, держал обрубленный кусок антенны до конца сеанса связи. И вертушки с подмогой прилетели вовремя, и все ребята уцелели. С тех пор так и прилипло – Каланча.

А там, далеко-далеко впереди, один в барханах с рацией и ручным гранатомётом, сержант Голомага. Долговязый и угловатый, этот под стать своей фамилии – истинная голомага (оглобля), – но тоже с неожиданным прозвищем – «Жилетик». Его задача – подорвать замыкающую машину каравана, а выжившим отсечь огнём путь к бегству. Но опять же – почему «Жилетик»?

Однажды в кишлаке на зачистке младший сержант Голомага, тогда ещё совсем «зеленый», только-только присланный после учебки – ни слова не говоря, притянул соседа за рукав и поставил за себя. Сам получив касательное ранение бедра.

На вопрос соседа: «Ты чего? Тебя что, убить не могут?» тот в ответ – «Так ведь на мне этот был, как его... жилетик!»

Уже из этих случаев понятно, что за ребята подобрались в спецгруппе. Надёжность – вот что ставилось во главу угла. Им поверялось всё остальное – отвага, выносливость, мастерство...

Пожалуй, лишь один из спецгруппы вызывал у Стрижа некоторую...настороженность.

Это был помкомвзвода Гость (старший сержант Жилкин). Довольно высокого роста, светловолосый, мускулистый, напоминающий сжатую пружину. Один из самых опытных бойцов разведбата. Два боевых ордена, три медали. Снайпер, самбист, чемпион разведбата по САКОНБу (специальный армейский комплекс ножевого боя). Одиннадцать караванов за плечами, два ранения. Оба раза ложиться в госпиталь отказался, залечивался практически «на ногах». Вроде с какого боку ни поверни – находка для разведки. Но...

Но имелась у Гостя одна маленькая закавыка. И прежде не отличался он излишним проявлением эмоций (это заметили еще в учебке. Подойдёт к компании, присядет рядом и...молчит; тогда же его и окрестили – Каменный Гость. Прилагательное со временем отпало, зато имя прилипло всё крепче). Всюду был гостем – незаметным и молчаливым, а с полгода назад вовсе будто онемел. Клещами слово вытягивали. Сосредоточенным, до одеревенелости, видом стал напоминать истуканоподобных индейских вождей.

Случилась эта метаморфоза с Гостем после того, как он слетал на пару дней в Союз. Слетал с недоброй оказией – грузом 200. То есть сопровождал тело сослуживца в подмосковный город. Откуда и до его родного села идти не быстро, прогулочкой, – с полчаса.

А вышло – поехал сопровождающим, а вернулся едва не под конвоем. Спасибо, ещё под следствие не угодил, еле-еле от дисбата отстояли.

А как вернулся в батальон, так будто в рот воды и набрал. Ребята к нему: «Как друга похоронил? Зашёл ли домой?» А тот ходит туча тучей. Только однажды ротный (Стриж) как-то его разговорил, случайно даже для самого себя.

Ведь сопровождал Гость в последний путь не просто сослуживца, а товарища и единственного в батальоне земляка. И погиб друг чуть ли не вместо самого Гостя. Был обычный вылет на вертушках. Гостя по какой-то незначительной причине вызвали в штаб. А тот полетел. Ну кто мог знать, что на обычном контрольном выходе завяжется бой?..

Гость сам поехал в морг и только по тельняшке сослуживца и отыскал, — он там один спецназовец был. А уже на аэродроме, когда в самолёт цинк грузили, наклонился к смотровому окошку — а у друга по лицу муха ползает. Жирная, сволочь — видно залетела, когда гроб закрывали...

Вот приехал Гость с «подарком». Матушке друга посылку с вещами и аппаратурой передал, что ребята в роте собрали. Понимал, что не до этого ей, но так положено...

Дальше — больше. На городском кладбище местные власти хоронить не разрешили. Повезли на ночь глядя на старей, местами заболоченный и поросший осокой, деревенский погост. (Да и то без церкви — срубленная из брёвен, она полыхнула от грозы почти столет назад. Только камни фундамента белели ровным квадратом). А там... Не так, с залпом по сигналу, как своих в Афгане провожали. Просто закопали в темноте, да пошустрее, чтобы кто не увидел... Какой там, к твоей бабушке, салют!..

Утром — поминки. Народу всего ничего — близкая родня из стариков. Ни друзьям, ни в школу, где все десять лет учился, не дали сообщить. Зато «представитель» военкомата тут как тут. Выпили за помин души по одной да по второй, а матушка погибшего всё Гостя просит: скажи, дескать, о сыночке доброе слово. Крепился Гость, крепился, а потом встал из-за стола и сказал:

— Прости, друг, что тебя убили, а я в твоём доме стою живой. Погиб ты героически на этой препоганой войне в бою, по приказу. Вроде как на благо Родины.

А похоронили на этой самой Родине от людей тайком, как какую-то нежить. Да не с православным крестом на шее, а с вонючей афганской мухой...

Тут Гостя «представитель» вежливо так перебил и предложил на воздушных вылет: покурить да подышать. Выйти-то вышли, да уже за стол присесть больше не довелось. Отвезли прямо на гарнизонную гауптвахту. Так до родного села и не добрался.

Районный военком, сморщенный, но ещё бодрящийся полковник со свирепыми, навыворот, глазами, на Гостя криком кричал: «Ты чего, мать твою перемать, людей с толку сбиваешь? Какая это «препоганая война»? Ты «Комсомольскую правду» читаешь? Рубрику видел «Служба в Афганистане»? Это — «Выполнение интернационального долга»? Посажу остолопа, чтобы другим неповадно было! И на ордена не посмотрю!».

Поорали на Гостя поорали, да и плюнули, махнули рукой (чего с пьяного возмемшь?) — накатали «телегу» и отправили в Чкаловскую на военный аэродром. Упаковали в транспортный самолет, и обратно в Афган прямым ходом: пусть там разбираются. В Ташкенте на дозаправке сойти с борта на землю, ноги размять, — и то не выпустили...

Стрижу вспомнилась ещё одна фраза Неверова: «Если война — это мир, тогда правда — это ложь». И тут же подумалось, каким туманным показалось ему тогда это изречение... А Гость после той «командировки» перед каждой предстоящей операцией становился сам не свой. На любую напрашивается: хоть на караван, хоть на банду, хоть на кишлаки. Дайте, просит, не семь автоматных рожков (обычный боезапас), а десять — всё равно мне не хватит. Зато и им мало не покажется... Что до караванов, то здесь, понятное дело, разговор короткий. Или ты, или тебя. С бандами, в принципе, то же самое. А вот в кишлаках, на зачистках — оборот всё-таки иной. Да только и там Гость, скажем прямо, лютовал. Прочёсывал под единый гребень что старого, что малого. Потому на кишлаки Стриж старался Гостя не брать. Но война есть война... И кое на что (много на что) приходилось закрывать глаза. Даже на шмоны раскуроченных караванов.

Он знал, что в основном берут не для себя – отправляют родственникам погибших, собирают старикам на дембель. Особицы поначалу шерстили, а потом и они отстали: ребята только вчера с операции, и завтра снова... Ходили не то что по проволоке, а по острию ножа (иногда чуть ли не в буквальном смысле). Пленных, понятное дело, не брали. Но и самим попадать в плен было никак нельзя – с живого кожу сдерут. Последний патрон или граната – для себя, любимого. Это закон. Что с того, что на операции никаких документов с собой не берешь? Диверсантскую наколку группы крови с левого предплечья не вытравишь... Стриж видел тела ребят из спецгруппы лейтенанта Кравцова.

Выколотые глаза, вырванный пах, отрезанные головы. Видел и тело лейтенанта... Так что справедливость заставляет сказать – некоторые вещи он позволял... Но такого беспредела, что убить – чтобы взять, ни в роте Стрижа, ни во всем разведбате не было в помине. Такие здесь если невзначай и попадали, то надолго не задерживались. У него в роте много чего не было. Например, малейшего слуха о дедовщине, не водились наркотики. Не было жлобства, воровства. Не было даже мата. Не матерился и сам Стриж. Эту, мягко говоря, нетипичную привычку командира в роте знали и тоже старались матерщиной не козырять...

* * *

Сам Стриж отучился от мусора речи в самом-самом детстве (в школу ещё точно не ходил). Много чего пришлось пережить ему с тех пор, но эту историю он запомнил до малейшей детали...

Солнечным воскресным днём Петенька, радостно прибежав с улицы, громогласно продекламировал маме, сидевшей за чаем с соседкой, услышанный минуту назад во дворе весёлый стишок, что-то вроде: «Папе сделали ботинки, не ботинки, а картинки, папа ходит по избе, лупит маму. Папе...» – такая вот «у попа была собака».

Мама залилась краской, глазки соседки любознательно округлились, а папа, продолжив немую сцену, взял декламатора за ухо.

Так же молча вынес (за ухо!) в коридор и запер на полдня в кладовку. Это являлось исключительно жестоким для Петеньки наказанием, так как никакие силовые методы воспитания к нему никогда не применялись. Вспоминая об этом казусе впоследствии, Пётр дивился только одному: как это у него тогда ухо не оторвалось?

После кладовки Петенька выслушал от папы краткое, но исчерпывающее разъяснение: если хочешь стать офицером, то должен зарубить себе на носу, что русскому военному человеку грубость не к лицу.

Тогда сын дал честное слово – никогда и нигде не повторять «непотребных» выражений. И обещание своё держал твёрдо. Ведь Петя спал и видел себя никак не милиционером дядей Степой, и даже не Первым космонавтом, а только настоящим офицером. Таким, как его папа.

В силу его профессии семья время от времени перебиралась на новые места. Благодаря этому в мальчике рано проявились самостоятельность и умение ладить с людьми. Правда, не обошлось и без подводных рифов: друзей много – а Друга нет.

Рос он не робким и не слабым. Благо всегда в доме водились гантели, а во дворе – укреплённый турник. Отец заставлял подыматься на зорьке, обтираться холодной водой. Учил не братья за сто дел разом, а если взялся, то не делай вполсилы. И ещё многим, вроде бы простым, но, как доказывала жизнь, самым важным вещам.

Но одно дело – серьёзные, но вполне себе спокойные беседы дома, и совсем другое – законы улицы. Первый действительно холодящий душу страх Петя узнал в двенадцать лет.

Семья тогда жила в небольшом офицерском городке Рязанской области. В школу, в четвёртый класс, для сокращения пути приходилось ходить по старому одноколейному железнодорожному мосту через приток Оки. Поезда по нему давно уже не пускали. Зато с утра до ночи здесь околачивалась местная шпанистая ребятня из близлежащего барачного Шанхая.

Шпанята испытывали к Пете неприязнь, явную и вполне объяснимую.

В первую очередь – чужак, во-вторых – офицерский сынок, и вообще – каждый день носит шёлковый (!) свежeweыглаженный пионерский галстук.

До поры до времени его не задевали – видели, что не робкого десятка. Но в один морозящий осенний день подошли всей ватагой.

– Слышь, а слабо с моста в речку прыгнуть? Мы так запросто.

– Не слабо, – с выдохом выпалил Петя (хотя уже просто смотреть вниз, на быструю речку, было жутковато).

– Слабо, слабо! – наперебой подначивали его. – Да ты, поди, и плавать-то не умеешь?

– Умею.

– А! Знамо трусишь! – и эти их слова решили всё!

– А вот не трушу! – уже озлился Петька.

– Ну тогда сигай со второго пролёта. Там не глубоко, и к берегу ближе!..

Петя снял ранец, стопкой сложил одежду и быстро перелез через ограждение на парапет.

До бегущей мутноватой воды было метра три с половиной, и он без заметных колебаний, под звонкое улюлюканье, шагнул солдатиком. Глубина оказалась чуть больше двух метров. И прыгун, точно маленький таран пронзив водную гладь, тут же по колено погрузился в плотную тину. Медленно выпустив излишек воздуха, рванул вверх, но тина не отпускала. Мало того, из-за этого барахтанья спустя считанные секунды он увяз уже почти по пояс.

И вот тогда мальчику отчётливо представилось, что он так и останется на этом вонючем дне. И прийти ему на помощь никто не успеет (да и кто знает, что он здесь!). На мгновение охватил ужас. Но молнией вспыхнула в памяти наука отца – в какое бы сложное положение ты ни попал, не паникуй, а ищи выход!

И Петька принял, наверное, единственно правильное решение (и откуда что взялось?) – изо всех сил, как штопор, крутанувшись волчком, он прямо-таки вывинтился из трясины. И на последнем остатке воздуха, пробкой выскочил на поверхность реки. Шпанят на мосту уже след простыл. Как во сне, Петя оделся и зашагал в школу.

О том прыжке он никогда никому не рассказывал. И подобного страха больше не испытывал...

А время вершило свою поступательную работу. Восемнадцатилетие Пётр Стрижов встретил курсантом Военного училища ВДВ в славном городе Рязани. К этому дню он уже вполне сознательно понимал, что быть военным – наследственная профессия в их мужском роду.

Дед деда освобождал болгар, штурмую Шипку. Прадед на заре столетия сражался под Ляояном. Дед корнетом участвовал в Брусиловском прорыве, потом был командиром полка Красной Гвардии в своей, внутренней войне. Её именуют «гражданской». Однако такое определение ох как сомнительно.

«Со-граждане» или всё-таки горские «дикие сотни» совершали зверские набеги белых генералов Мамонтова и Шкуро? «Со-граждане» живьем сжигали (прямо в избах!) семьи сибирских партизан-мужиков по таёжным заимкам, или карательные отряды авантюриста барона фон Унгерна и Семиреченский сброд атамана Анненкова? А с другой стороны, «со-граждане» в деревнях гнобили соседа, такого же как они, но только более трудолюбивого?

«Со-граждане» разрушали Храмы, где их крестили младенцами?.. То-то и оно.

Отец тоже успел хлебнуть фронта, уже в конце войны. Затем окончил военную академию и всю жизнь прослужил. Воевать, слава Богу, больше не довелось. Но и карьеры не сделал. Возможно, из-за того, что всю жизнь сторонился политики и (!) оставался беспартийным. Так что выше командира сапёрного батальона не поднялся.

Он никогда не спрашивал, но никогда и не сомневался в том, что сын пойдёт по стопам прадедов.

Потому и учил его всему, что относится к понятиям офицерской чести. Начинал эту науку с простых (но очень важных!) мелочей. Так, офицер не должен выходить из дому в нечищенной обуви. Не к лицу держать руки в карманах. Ну и, безусловно, должен уступать место старикам и женщинам. И многому подобному, в таком же здравом духе.

Науку отца довелось вспомнить, когда однажды, ещё курсантом, Пётр ехал в пригородной электричке, не особенно, кстати, переполненной. Так вот, сидя на маленькой скамье в конце вагона, он увлечённо читал про галльский поход Юлия Цезаря. И только дошёл до эпизода, когда Цезарь в бессильной ярости взывает к поверженному полководцу: «О, Вар! Верни мне мои легионы!» – как вдруг услышал женский голос, не громкий, но отчетливо-язвительный:

– В старину русский офицер бы застрелился, когда б увидел, что сам сидит, а рядом стоит женщина.

Сообразив, что это про него, заалевшийся до кончиков ушей Пётр вскочил и, обернувшись, увидел даму. Невысокого роста, чуть за сорок, крашеная блондинка с отчаянной химической завивкой. В совершенной растерянности он ляпнул:

– А я ещё не офицер.

– Юнкер тем более! – не унималась та, уже усаживаясь на его место.

После этого Пётр в общественном транспорте только стоял.

В двадцать два года закончив училище, Стрижов получил первый в жизни офицерский чин – лейтенанта. Затем около полугода провёл на спецкурсах (в составе таких же молодых офицеров со всего Союза). А по их окончании был вызван в политотдел, где ему предложили подать рапорт – с просьбой проходить дальнейшую службу в составе ОКВ в Афганистане.

На тот момент заканчивался кандидатский стаж. Так что выбирать особо не приходилось, и Пётр рапорт написал. (На последнем курсе декан, так, между прочим, посоветовал Петру вступить в ряды партии).

Перед отправкой в Афган получил короткий отпуск домой. Поступок сына отец не осудил, но явно и не одобрил. Зато похвалил за то, что не стал темнить. Слова напутствия были коротки:

– Силушкой Бог тебя не обделил. Мастерству в военной школе научили. Так что запомни главное – береги честь и постарайся не лгать, особенно по мелочам!

А во время домашнего застолья перед отъездом сына, отец поведал о пагубе так называемой «лжи во благо». На примере того, почему первым в Космос отправился старший лейтенант Гагарин, хотя в ходе подготовки первым номером для исторического полёта считался старший лейтенант Титов.

Так вот, тесты и контрольные проверки все трое (был ещё третий – но сейчас речь не о нём) проходили синхронно и результаты показывали, в целом, равные. До последнего момента, кто полетит, было неясно. А за день до полёта на ужин всем троим, не ставя их, естественно, в известность, добавили в пищу слабительное... Наутро всех троих, что и следовало ожидать, пронесло. За завтраком на вопрос Королева: как настроение? – двое кандидатов уверенно отрапортовали, мол всё у них замечательно.

Один Гагарин посетовал на то, из-за чего ночью не очень спалось... Обмолвился и, возможно, мысленно распрощался с последними надеждами. Королёв, однако, перед Гос. Комиссией высказался за кандидатуру именно Гагарина, добавив к обоснованиям, что хочет полностью доверять сообщениям из космоса. И комиссия согласилась.

Пётр наказ отца запомнил крепко. – Людям ложь вредна, но себе ещё вреднее...

* * *

А через неделю Пётр Стрижов в компании двух других таких же «добровольцев» очутился в Ташкенте. Вылет в Кабул задерживался, и он вместе с новыми друзьями – лейтенантом Василием Петраковым и старшим лейтенантом Неверовым – оказался на шумном и пёстром восточном базаре. Петраков затащил.

Высокий, стройный красавец с лихо подкрученными чапаевскими усами, был он что ни на есть гусарский щёголь.

Особенно это бросилось в глаза Стрижу в Кабуле, когда он увидел Василия в ладно подогнанной офицерской форме (по Ташкенту ведь все трое ходили в штатском) ...

Его бы в средневековую Францию, где при одном из Людовиков в королевской армии была учреждена специальная награда за... «воинственную наружность».

В Ташкенте Вася изрядно поднадоел своими жалобами на то, что едет в Афганистан так «поздно». Дескать, там уже навели «революционный порядок». А поехали бы в 79-м, вот он себя бы показал!

Второй сопутник Стрижова, старший лейтенант Неверов, напротив, ростом был невысок, сухощав и как-то малозаметен. На первый взгляд ему можно было дать лет двадцать пять. Но две глубокие складки между бровей говорили, что он старше...

Бравый лейтенант Петриков был в восторге от Ташкента. От обильных прилавков его, казалось, было не оторвать (за пристрастие к восточному базару и расплатился жизнью – на Старом рынке в Кабуле получил пулю в ухо из многолюдной толпы).

А Стрижов с Неверовым тогда отправились в соседнюю забегаловку.

Взяли по кружке тепловатого, безвкусного пива, и едва встали за свободный столик, как к ним пристроился какой-то детина, с руками в наколках от плеч, с литыми буграми мышц из-под открытой «майки-алкоголички». Не спрашивая разрешения, поставил на стол две полные кружки. На Стрижа амбал мельком бросил взгляд и больше в его сторону не смотрел.

– Здорово, братан! – поприветствовал он Неверова и слегка подтолкнул к нему свою кружку. – На-ка, выпей за моё здоровье. Вчера только откинулся. Вот гуляю.

– Спасибо, – услышал он равнодушный ответ. – Свою ещё не допил.

– А не допил, так и не надо, – процедил амбал. Лениво протянул руку к недопитой кружке Неверова, а затем резким движением выплеснул её содержимое под стол, почти под ноги Петра.

Тот хотел было вмешаться. Но Неверов предостерёг едва заметным взмахом ладони. Затем спокойно взял со стола опустевшую кружку, ни слова не говоря сходил к стойке, наполнил кружку заново и вернулся к столику, прихлёбывая на ходу.

– Брезгуешь? – наигранно скучным голосом процедил амбал. – Тогда так лакай!

И смачно плюнул в полную кружку, быстро выплеснув прямо Неверову в лицо. Но тот не уклонился (не успел или не счёл нужным?). Лицо, рубашка – всё оказалось залитым. Резко вскинул руку – амбал, словно ожидая чего-то, вскинул обе. Но Неверов всего лишь достал из кармана платок и вытер лицо. Затем аккуратно сложил платок конвертом и спрятал в карман. И с расстановкой сказал:

– А теперь пойдём, я порву твою поганую пасть.

После чего обогнул стол, но со стороны не верзилы, а Петра, бросив на ходу: «Не вмешивайся!», и направился к выходу. Амбал, залпом допив кружку, поспешил следом. Стрижов трезво оценил обстановку. И если ростом он немногим уступал амбалу, то шириной плеч и мощностью груди равняться с ним даже близко не приходилось. Что уж говорить о сухощавом Неверове...

Ручищи амбала были налиты силой, кулаки – словно пудовые гири, да и весь он, казалось, будто напичкан динамитом. А развинченная походка уголовника (или каратиста?), вкупе с холодными, абсолютно не пьяными глазами – должны были предостеречь любого. Он тоже, видимо, посчитал силы очевидно неравными:

– Ну что, пескарь! Не передумал пасть мне рвать?

Неверов попятился назад.

– Язык что ль проглотил? – ухмыльнулся верзила.

– Ладно, ладно, – пробормотал Неверов. – Давай замнём...

Пётр стоял, не зная, радоваться, что не дошло до свалки, или огорчаться. Пускай они были и в гражданском, в глубине души шевелилась надежда, что Неверов постоит «за честь мундира».

А тот уже было повернулся, чтобы уйти, как вдруг неожиданно крутанулся на одной ноге. Однако амбал, только с виду расслабленный, успел вычислить это движение. – Мягко скользнул назад и вскинул руки к подбородку. Тут Неверов, изобразив печальную гримасу, повернул голову к Стрижову, словно прося подсказки. Но тот лишь пожал плечами... Тогда он внезапно сделал шаг вперед и с молниеносной быстротой пнул амбала концом ботинка по ноге – прямо в косточку на подъёме стопы.

И в ту же секунду метнулся вперёд, подбивая вторую ногу. Он даже не дал амбалу упасть. Левым кулаком ударил ровно в правый висок, а открытой правой ладонью толкнул в лицо, заставляя запрокинуть голову. И также стремительно, большим пальцем левой руки сильно нажал в какую-то точку позади правого уха, — и тогда амбал дико закричал. А Неверов согнутыми пальцами рук ухватил его орущий рот и рванул в стороны...Кровь захлестала сильными толчками, а верзила судорожно пытался зажать раны руками.

— Уходим! — бросил на ходу «пескарь».

Набежавшие на крик расступались. Никто не решался вмешаться, хотя посматривали косо.

— Жёстко ты его, — только и нашёлся что сказать Стрижов.

— Не будут мудакими проверять, — только и ответил Неверов...

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Жёстко ты его, — повторил Пётр через пару дней, уже в Кабуле.

Вернее, в пригороде Кабула — на небольшой вилле для спецслужб, без позолот восточного декора, но со всем необходимым для не избалованных удобствами. Где они с Неверовым провели несколько дней в прямом смысле под одной крышей, дожидаясь дальнейшего назначения.

(Красавца Васю Петрика начальство оставило при Кабульской военной комендатуре, ещё раз подтвердив истину, что не все люди равны...)

Они сидели вдвоём в маленькой, но совсем не тесной комнате за нехитрым, без разносолов, зато вполне сытным мужским ужином. На журнальном столике рядом выстроились оливкового цвета пиалы, с тонким узором морской волны. В наваристом бульоне с лапшой плавали куски душистой козлятины, сочными кучками лежали кинза, лук-шалот, огненно-красный сладкий перец. Центр сервировки венчала 0,5 «Посольской». — Днём Неверов с оказией ездил в Кабул, в посольство, и вернулся, как водится, не с пустыми руками.

— Жестокость — понятие относительное, — в своей обычной манере беспристрастности отвечал Неверов.

За то небольшое время, проведённое вместе, Стрижов уже начал привыкать к его особенности изъясняться, мягко говоря — без излишних эмоций.

— И зависит она от самых разных факторов, — продолжал он. — Наверное, замечал — чем широты южнее, тем нравы жарче. Срединные народы куда миролюбивее окраинных; население равнины не в пример спокойнее, чем горцы. Ещё зависит от возраста народности. Чем древнее цивилизация, тем жестокость её безжалостней и утончённее. Это две стороны одной медали. К сожалению, самая древняя цивилизация на сегодня — китайская. Ведь китайцы — наши соседи.

Собеседник искренне удивился.

– А людоеды в Полинезии? Те, что Кука съели.

– Людоеды – те просто людоеды, – усмехнулся Неверов. Для них человек – не враг, а просто вкусный кусок мяса, как любое другое животное. А вот китайцы... Во время событий на острове Даманском к ним в руки попал наш пограничник. Уже через полчаса наши его отбили. А по дороге в госпиталь он умер. Открытых ран на теле не было, но вскрытие ужаснуло: начиная с фаланг пальцев рук и заканчивая позвоночником, ни одной не сломанной косточки...

– Но ведь это война, – неуверенно парировал Стриж.

– Война-то война, – Неверов в задумчивости опустил подбородок на ладони. – Вот ты станешь ломать кости у пленённого афганца? Так, из любви к искусству?

– Не-е-е... Но за что они нас так уж ненавидят?

– Они нас не ненавидят. Это для них – норма жизни. Я на закрытом просмотре видел фильм, как в Пекине, на стадионе, при сотысячной толпе на трибунах, казнили группу так называемых советских шпионов. Заметь, происходило это не в какую-то варварскую древность, а в начале семидесятых. В центре футбольного поля поставили деревянный помост. На него вывели человек двадцать таких шпионов. И на глазах у всех расстреляли. Это была их как бы верхушка.

А вот как обошлись с рядовыми, в кавычках, шпионами. По всему полю были врыты деревянные столбы, около сотни. К каждому столбу привязали по пояс голого, в одних шароварах, осуждённого. Потом на поле появилось несколько палачей, с завязанными до глаз лицами и длинными ножами в руках. Быстро они разбежались по полю и деловито стали вспарывать животы привязанным. Операторы брали крупным планом лица, искажённые в муках, но криков слышно не было – их заглушал рёв трибун. Но и этого оказалось мало. Тела казнённых навалили огромной кровавой горой у выхода. А потом все сто тысяч зрителей стройными рядами прошли мимо, и каждый плюнул на эту гору. Когда прошёл последний зритель, тела уже тонули в мутно-алой слюне.

– А это уже политика, – ещё более неуверенно пытался найти объяснение Стрижов.

– Ладно, тогда давай о тех временах, откуда ноги растут. В одном из первых памятников китайской письменности (а ему почти три тысячи лет) рассказывается о визите одного китайского мандарина к другому. В честь гостя хозяин организовал концерт, на котором тому понравилась юная арфистка. А именно плавные движения её пальцев по струнам.

На следующее утро у изголовья его постели лежал золотой поднос с отрубленными кистями арфистки... Не политика и не война – просто этикет: гость, что-либо похваливший, должен получить это в подарок...

У нас же своя проблема – это изучение истории в школе. Галопом по Европам, но проходим про войны Алой и Белой розы, события при царе Горохе за тридевять земель. А о соседях имеем самое смутное представление.

Какова история Востока – в частности, арабского мира?

Тот же Афганистан – если бы нам в учебниках в своё время рассказали, что в конце 19-го века там бесследно пропал семидесятитысячный английский военный корпус, поосновательнее бы отнеслись сейчас к вводу войск...

Пётр хотел что-то добавить, но вместо этого спросил:

– Слушай, а при чём здесь всё же китайцы?

– А при том, – скупно улыбнулся Неверов, – что рано или поздно нам придётся с ними воевать.

– «С ними» – это как? Вместе с ними? Или против?

– А это, видно, уж как фишка ляжет, – и пожал плечами...

* * *

И был следующий вечер, с незамысловатым ужином за низеньким столиком. Ещё накануне рассказывавший о китайцах совершеннейшие ужасы, сегодня Неверов повёл речь о том, что китайцы не только древняя и жестокая, но едва ли не самая жизнестойкая нация. У которой есть чему поучиться.

Например, боевым искусствам. – Китайское «внутреннее Ушу» или «жёсткий Цигун», уходящие корнями в философии и буддизма, и даосизма, и конфуцианства. Чем-то принципиально новым удивить по поводу боевых искусств, как казалось Петру, его было трудно. Начав подростком, успел позаниматься боксом, самбо, и, недолго, даже каратэ, пока его в конце семидесятых всё-таки не прикрыли.

Ну а тесты на спецкурсах он не забывал даже во сне. – Марш-бросок восемь километров, в полной боевой выкладке по пересечённой местности. Подъём на руках по канату. Хожение по бревну с завязанными глазами. Отражение нападения волкодава голыми руками. Дальше – стрельба. Стоя, сидя, лежа, в движении, стрельба с обеих рук, висячем вниз головой положении, в темноте – на огонёк сигареты, на вздох, на малейший шорох. Причём всё это – в условиях газовых атак, светозвуковых гранат, взрывпакетов и всяческих скрытых ловушек, и главное – встречных действий. Рукопашный бой с одним, двумя, с группой противников.

Но Неверов повёл речь не совсем об этом....Начал он, как всегда, с вещей отвлечённых. В этот раз с того, что все тёплые течения (как Гольфстрим) в конце пути всегда попадают во льды. Затем заговорил о том, что есть люди, от природы подверженные несчастным случаям. Двое идут по улице, на дороге видят картонный пакет – один его обойдёт, второй наподдаст ногой (а под пакетом – граната на взводе!).

И перешёл на рассказ про «реактивную агрессивность». Которая есть в каждом. – Представь, вот ты сидишь в загоревшемся автомобиле, а двери заклинило. Вдруг, неожиданно даже для себя, вышибаешь дверь ударом кулака. Сделал ты это потому, что организм почувствовал смертельную опасность. Так вот, этой самой «агрессивностью» можно управлять. – Доверяйся инстинкту выживания, считай его своим шестым чувством.

Тогда научись видеть стрелу до того, как она покинет лук. И, сделав глубокий вдох-выдох, продолжал. – Если ты, глядя на противника, начнёшь думать: «Сейчас я сделаю это, затем, то – считай, что ты уже побеждён. Если будешь в мыслях перебирать, каким

способом лишить его жизни, – сам можешь погибнуть. Если задумаешься о спасении, скорее всего, погибнешь. Ещё. Надо подружиться с темнотой. Сначала привыкнуть, а потом заставить работать на себя. Научись в темноте ступать легко и быстро, как ходят индейцы – не на цыпочках, как в ГДР-овских фильмах сводил с ума зрительниц Гойко Митич, а на внешних плоскостях стопы – тогда шаги будут бесшумны. Есть ещё такая китайская притча: «Один юноша, несколько лет усердно изучавший Ушу, добился немалых успехов. И начал притеснять соседей. Однажды на горной тропе он встретил какого-то старика и потребовал, чтобы тот убирался с пути. Старик попросил пропустить его как более старшего. Но вместо этого юноша стал избивать его, пока тот не распростёрся на земле. Победитель торжествовал. Ведь он даже не встретил сопротивления, не считая лишь той мелочи, что старик, видимо случайно, нанёс ему один, едва ощутимый, удар в сердце.

Юноша вернулся в деревню. А старик вдруг легко поднялся и зашагал дальше. Через две недели юноша почувствовал тошноту. Силы таяли, как снег на солнце. К концу четвёртой недели он уже не вставал с постели. Тогда юноша понял, что причиной был тот самый, лёгкий удар. Искренне раскаявшись, он послал брата на поиски старика, чтобы попросить у него прощения. На следующий день старик пришёл, дал больному настой трав. Юноша проспал трое суток, и силы вернулись. Тогда старик рассказал, что жители, долго терпевшие выходки юноши, обратились к нему, Учителю Цигун. В основе приёма старого Учителя лежало воздействие на некую точку, а нарушения в самочувствии получили название «отсроченная смерть».

И был третий, последний ужин в уже ставшей чем-то «своей» гостиничной комнате. Речи Неверова, как повелось, начавшись с одного, незаметно перекачивались в иные, порой совсем неожиданные для слушателя дебри.

– В училище, – заговорил он, – тебя учили разным способам убивать. И с пылу, с жару, прислали на войну. Но ты ещё никого ни разу не убил. А надо, когда придёт необходимость, убивать сразу и без колебаний.

«Зачем мне это, убивать не задумываясь, я же офицер...» – возроптал внутренний голос Петра.

Но Неверов, будто расслышав вопрос, неумолимо раскручивал клубок.

– Первостатейная задача армии – воспитывать бойцов, а не... – не закончив фразы, плюнул с досадой, – Ты ещё не работал с солдатами-строевиками? Как считаешь, если мальчишек с детства кормить одними кашами да картошкой, какие из них получатся вояки? Я видел сводки. Так вот, большая часть призывников сегодня – из самых обделённых областей. Из тех, где в магазин привозят пару раз в месяц колбасу из целлюлозы, питаются от мала до велика серыми макаронами, а мужики пьют палёную водку. Как будто всё делается только для того, чтобы, случись даже самая маленькая заварушка, нас раздавили бы... А военная профессия, как ни крути, – убивать людей.

– Врагов! – решил уточнить Стрижов.

– А враги что – не люди? – тут же ответил Неверов. – Здесь эти самые бандиты тоже – бывшие крестьяне. Они, с дедовским ружьём в горах, погибают за свою правду.

– Значит, они – за свою. А мы – за какую?

И здесь Пётр Стрижов впервые увидел, как собеседник потупил глаза...

– В этом-то весь вопрос. И главное, что на горизонте... В верхах заговорили о какой-то демократизации. А что сие может означать? А то, что некие доморощенные (и доморощенные ли?) господа решили обольстить и быстренько поиметь наш и так бедный народ. Обольстить заморской манной небесной. А у нас, мол, куда ни погляди – сплошь одно г... Вывод очень прост – введём частную собственность, а потом легализуем весь этот бардак. А что за этим? Да развал страны! Потому как нужна твёрдая власть, чтобы его предотвратить. А какая у этих псевдо-демократов твёрдая власть?!..Ещё. Хочешь знать, что в скорой перспективе? Ослабленная Россия один на один со всем миром и своими бывшими окраинами. Без прошлых союзников, промышленности. Главное, без идеи...

– Что-то не складывается, – не выдержал доселе терпеливо молчавший Стрижов. – Почему ничего сегодня нет? В детстве, в шестидесятые, помню, всё более-менее в магазинах было. И в семидесятые было. Из-за чего всё вдруг пропало?

Неверов поглядел на Петра и, верно, что-то для себя решив, начал издали:

– Когда Александр Македонский покорил богатейшую провинцию Согдиана, он не стал устраивать резни её верхушки. А наоборот, привёз из Греции тысячу здоровых, образованных юношей и пережил их на дочерях вождей кланов. Протекло время, и эти юноши, а в особенности их дети, стали самыми верными сторонниками римских полководцев.

Опыт Македонского повторил Гитлер. Конечно, не совсем таким образом. В начале сорокового года во все концы Союза были посланы несколько сотен (точные архивные списки пока наглухо засекречены) двадцатилетних немцев с документами, легендами, деньгами; и задачей полной натурализации. То есть – ПМЖ, обучение, вступление в партию, карьера, семья... Некоторых из них, понятное дело, арестовали по горячим следам. Часть умерла по своим причинам или погибла на войне. Но кто-то задачу выполнял. С этим вопросом начал разбираться Андропов. Но...

– Не успел, – огорченно кивнул Стрижов.

– Может, помогли не успеть.

– Ну, больные почки были...

– У него почки ещё с войны больными были, застудил в Карелии, когда партизанил в лесах. А как генсеком стал, сразу искусственные понадобились.

Потрясённый Пётр молчал.

– Не исключено, – продолжал Неверов, – что кто-то из этих агентов до сих пор орудует меж нашего руководства. Не исключаю, что в очень скором времени результатом этой якобы демократизации станет объединение двух Германий.

– И эта сумасшедшая теория мне не объясняет, почему при коммунистах тем агентам меньше вредить давали, а теперь, с этой долбаной перестройкой, в ста километрах от Москвы копеечные

леденцы два раза в месяц продают по талонам. И то лишь тем, у кого малые дети. А чем мы можем Родине помочь? Здесь?

– Ты член партии? –вроде бы невпопад спросил Неверов.

– Ну да.

– Давно?

– Только-только кандидатский стаж закончился.

– Кандидатом, небось, в училище принимали?

– В училище, – Стрижов закусил губу, будто вспомнил наболевшее, – я бы хотел, чтобы мне отец рекомендацию дал. Но он по жизни беспартийный...

– Когда человек вступает в Коза Ностру, – усмехнулся Неверов, – его рекомендуют кто? – гангстеры. А кто у тебя отец?

– Командир саперного батальона.

– Стало быть, крепкие корни... И твоё дело – отслужить, вернуться невредимым. Тебе ещё бороться за Россию. Главное, чтобы ты там ни в какие игры не ввязался.

И помолчав, сказал тихо, будто в ответ своим мыслям:

– А что касается афганской оппозиции, то, как сказал Макиавелли: «Когда речь заходит о судьбах Родины – для меня стираются грани между добром и злом»...

* * *

На другой день Пётр получил назначение в батальон развед-спецназа под Кандагар.

Неверов остался служить при Кабульском спецподразделении. Через год до Петра Стрижова дошло известие, что ему дали капитана. К этому времени Стрижов малозаметно для себя, но ощущимо для окружающих, превращался из желторотого лейтенанта в грозу душманских караванов, неуловимого диверсанта Стрижа. Наука Неверова не прошла даром.

Во-первых, он приучил себя доверяться «шестому чувству». Совпадение или нет, но потерь у него во время рейдов не случалось.

Во-вторых, если был вынужден убивать, то делал это без колебаний...

А ещё через полгода до Стрижа долетел смутный слух, что Неверов ушёл на задание куда-то в Панджшер и пропал без вести. Но Стриж этому не очень-то поверил. По его убеждению, такие люди, как Неверов, пропасть не могут. Тем более – без вести.

Между тем рассвело. Далеко впереди, в барханах, появлялась едва уловимая глазом тень. Но сигнала от Жилетика не было.

У Стрижа ёкнуло тревожное предчувствие. Вдруг вспомнился дом. Отец, мать, сестра.

Девушка? Девушки, конечно, были. Но всё как-то... непостоянно. На диво ясно всплыл в памяти последний день, проведённый в Москве перед вылетом в Ташкент. Ехал в метро в полупустом вагоне. Как всегда, стоял у не открывающихся дверей. А наискось от него сидела молоденькая женщина. Была она в лёгком плаще цвета чайной розы. Листая глянцевый журнал, убирала с глаз русую волну чёлки.

Иногда, как будто задумывалась с едва заметной улыбкой. Наверное, она была красавицей. Наверное, потому что Пётр её толком даже не разглядел, как следует. Постеснялся. Объявили остановку, рядом подошло несколько человек. Как вдруг прямо перед ним оказалась та девушка. И шагнула в распахнутые двери...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*“Не дай Бог умереть на чужбине –
вдали от матери земли русской”
К.П. Победоносцев*

– Идут! Три машины и мотоцикл! – прозвучал в радиии взволнованный голос Жилетика.

Но Стриж уже и сам увидел, что идут. Уже закурились в зыбком рассветном мареве, как неверные шлейфы, – всполохами – клубы пыли. Колонна шла с виду медленно, но быстро (как идёт караван верблюдов), не зажигая огней, слегка покачиваясь меж песчаных дюн. Словно буйки по бегущей воде. Видно было, что здесь, среди голой пустыни, она себя чувствовала в полной безопасности. Стриж присмотрелся, и внутри слегка отлегло. Колонна была невелика, и взять её они смогут, и должны – внезапно и молниеносно. Впереди, в дальнем дозоре, по накатанной тропе между барханами, нёсся мотоцикл-одиночка. Следом, метрах в ста пятидесяти, тяжело бороздила песок гружёная Тойота. Ещё дальше, метрах в ста, шли один за другим два грузовых Симурга.

– Одна... Две... Три... – отсчитывал минуты Стриж.

Ровно через четыре минуты караван вышел на участок, полностью перекрываемый огнём.

Но, подойдя к горловине скальной гряды, нёсшийся впереди мотоциклист вдруг резко сбавил ход. То ли что-то насторожило, то ли в другом причина – раздумывать Стриж долго не стал. Затягивать начало боя – тоже. Чётко выверенной, краткой автоматной очередью срезал водителя-моджахеда с мотоцикла. Выстрелы послужили сигналом для группы. Теперь время для тех, кто оказался на дороге, остановилось.

Буквально через считанные секунды прямым попаданием мины вышибло лобовое стекло Тойоты. Водитель и сидевший с ним рядом погибли мгновенно. Машина вильнула в сторону, врезалась в придорожные дюны и с гулом взорвалась.

В следующую секунду взметнулся, разлетаясь на сотни осколков, крайний Симург. Судя по грохоту, он вёз взрывчатку. – Это без осечки сработал Жилетик.

Первый Симург тоже был расстрелян – едва ли не в упор. Из него, правда, успели выскочить пятеро или шестеро. Но ни малейшего шанса ни у кого из них практически не было. Песок вокруг каждого вспыхнул феерическими фонтанчиками от града пуль. Никто не успел сделать и трёх шагов...

Тишина, вдруг упавшая после скрежета металла и шквала огня, показалась Стрижу оглушительной. Бой на уничтожение продлился не дольше пяти минут. Из раскалённого стрельбой автоматного ствола валил парок. Ладони покрылись липким потом.

Всё те же непроницаемые скалы, безучастные барханы. Только теперь к картине добавились клубы чёрного дыма на фоне багровеющего солнца. И смрад от палёной резины и горелого мяса.

Инфернальный пейзаж...

Внизу, на дороге, в моторах растерзанных машин искрилось, потрескивало и шипело. И ещё что-то, чуждое, назойливо тревожило слух.

Стриж сосредоточил мысль на своих ощущениях. Да вот же оно – человеческий слабый голос надрывно выкрикивал какие-то, одни и те же звуки. Но не по-русски, не фарси, пушту или дари; слово похоже было на английское, но с явным акцентом.

– Attention! Attention! Attention!

(– Внимание! Внимание! Внимание!)

Он поискал источник звука и собственным глазам не поверил. – Мотоциклист, несколько минут назад лихачивший по зыбкой тропе, скорчившись сидел на песке и кричал в рацию:

– Soldgier! Soldgier! Wis is Raingear! Wis is Raingear!

– Солдат! Солдат! Здесь Рейнджер! Здесь Рейнджер!)

Но Стриж уже вынырнул из укрытия и нёсся вниз, к дороге, придерживая рукой стучавшую по бедру тяжеленную кобуру со Стечкиным. Чуть в стороне и сзади, его догонял Гость.

– We had gotten in the ambush! We had gotten in the ambush! Beside the mountains! Beside the mountains! Over!

(– Мы попали в засаду! Мы попали в засаду! Возле гор! Возле гор! Конец связи!)

Моджахед заметил бегущих и быстро свернул связь. Отбросив рацию, пытался встать на ноги, хотя ранение не было лёгким – из-под халата по разодранной штанине ползли вниз багровые ручейки. И всё же он сумел подняться. Ростом дух оказался невысок, одет в традиционное платье кочевника. Нижнюю половину лица скрывал головной платок. Оружия в руках не было.

– Мой! – хотел крикнуть Стриж, но не успел.

Подбегавший из-за спины Гость на ходу, от пояса, выпустил короткую автоматную очередь. Стрижу показалось, что он даже увидел, как три пули прошли халат поперёк груди. Тело приподняло, развернуло по оси и отбросило в сторону.

– Тьфу ты, – сплюнул он в раздражении. Гость, как это бывало нередко с ним, поторопился. Хотя...

Хотя сейчас, наверное, он был прав. Иного выхода для раненого не оставалось. (Не с собой же его в горы тащить?)

– Пришли Каланчу! – приказал Стрижов.

Гость повернулся и быстрым шагом направился к ближней Тойоте.

Стриж присел возле поваленного мотоцикла. – Исключительно добротная машина, настоящий Харлей, к тому же совершенно новый. Да и пострадал всего ничего – только вмятины на передней стойке... Он потянулся за гранатой, чтобы подорвать это чудо техники, но вдруг услышал за спиной какой-то шорох.

Моментально развернувшись, направил взгляд на обочину и остолбенел. Мотоциклист, расстрелянный минуту назад (причём уже вторично!), ...поднимался. С невероятным трудом усаживался, скрещивая ноги в коленях.

На Стрижа, стоящего всего в каких-то пяти шагах, даже не поднял глаз. Вместо этого с едва слышным стоном полез рукой за пазуху, достал из-под халата старинную, в потёртом кожаном переплёте, большую книгу. Положил на колени, без спешки раскрыл и погрузился в чтение. Старший лейтенант Стрижов понял сразу, что именно эта толстенная книга спасла жизнь моджахеду.

Но почему раненый не остался лежать на обочине? Не притворился убитым? А если встал, то почему сразу взялся за книгу, а не за оружие? – лихорадочно просчитывал варианты Стриж.

– Эй! – потрясённый, окликнул он и непроизвольно сделал шаг навстречу. (Одновременно его правая рука машинально расстегивала кобуру.)

В ответ на окрик тот медленно оторвал взгляд от страницы, поднял голову и спокойно посмотрел в лицо Стрижу. Затем так же не торопясь поднял глаза к багровеющему небу, провёл открытыми ладонями обеих рук по лицу, ото лба к подбородку, и на выдохе, тихо, но отчётливо прошептал:

– Алла-ох акбар рахи-им, бисмилахи-рахмаони-рахим!

(О, Аллах, будь милосерден ко всем мусульманам, дай им покой и мир!)

И снова опустил голову над книгой. Лишь на одно мгновение они встретились глазами. Но и его хватило, чтобы Стрижу в них показался знакомый, направленный куда-то вдаль, взгляд... старшего лейтенанта Неверова.

Но здесь... Как? Быть этого не может! Как в детском калейдоскопе (что ни поворот, то новая картинка) замелькали, причудливо переплелись и пронеслись в голове оторванными друг от друга кусками воспоминания. – Вот тесная пивнушка и развязная походка амбала. Ночные беседы за низеньким столиком. А вот изуродованные тела попавших в плен бойцов, Кравченко с отрезанной головой...

«Когда речь заходит о судьбах Родины, для меня стираются грани между добром и злом! – сам того не замечая забормотал Стриж. – Стираются грани... Между добром и злом... Ах ты, сука...»

– Ах ты, су-у-ка!!! – во всё горло заорал он, вскинул пистолет, и бестрепетной рукой, без колебаний (как учил!), выпустил пулю точно под переносицу. Голова дёрнулась, тело осело и распласталось на дороге. Книга выскользнула из рук.

Не глядя на убитого (после такого выстрела – контрольный уже не нужен), Стриж подошёл, поднял книгу. Как он и предполагал, это оказался Коран, очень старый.

Чего-чего, а Коранов в поклажах душманов Стриж навидался разных. Но подобного не встречал. И тогда (в первый и последний раз) он решил забрать эту книгу, прошитую пулями, – в память об этом рейде.

Меж тем всё сильнее резал уши какой-то пищащий звук от мотоцикла – это рация продолжала выдавать позывные. Стриж резко прокрутился по ней каблуком и, ни секунды не мешкая, послал в небо красную ракету – сигнал сбора.

– Вызываем вертушку, командир? – подбежал с вопросом Каланча.

– Уходим! – тихо ответил Стриж.

Ровно через пять минут спецгруппа поднималась в горы. Сзади внизу, на разбитой караванной тропе, догорали остатки развороченных американских Стингеров, боеприпасов, новеньких (в заводской смазке!) короткоствольных израильских автоматов Узи.

А спустя ещё пятнадцать минут невидимками с востока, в лучах уже безжалостно палящего солнца, на тропе змейкой появилась тройка пакистанских Миражей. И дожгла залпами всё, что ещё оставалось несожжённым. Затем развернувшись, ударила напалмом по ближайшим скалам.

Но группа Стрижа уже вышла из зоны огня.

* * *

Стрижов вернулся со спецгруппой на базу. Без единой потери в личном составе.

Как и обещали, дальний рейд к пакистанской границе (как оказалось, караван шёл аж в Панджшер), стал завершающей боевой операцией в Афганистане. Вскоре его с присвоением капитана перевели на службу в Союз, затем – в Германию.

Судьбы его товарищей по рейду сложились по-разному.

Но так или иначе война эта асфальтовым катком прокатилась по их жизни.

Петру Стрижову довелось побывать практически во всех «горячих точках» растерзанной страны: Карабах... Приднестровье...

Таджикистан... Осетия... Абхазия... Чечня... Повоевал и в Боснии, и в Косово.

В чине генерал-лейтенанта удалился от дел, безвыездно поселившись в старом дачном поселке ближнего Подмосковья. До последнего дня хранил старый Коран. Зачем-то принялся изучать восточные языки.

Но одна мысль не покидала его – чьи всё-таки глаза видел он тогда на сожжённой караванной тропе?

III

Роман о Романе,
или Вполне земная история

Глава 1

Лиловая орхидея

Промаявшись зиму в столице и окончательно разуверившись, что Пегас сюда всё-таки заглянет, писатель достал с антресоли дорожный саквояж, сдул с него полугодовой слой пыли и отправился на вокзал. Молодой, но уже успевший примерить первые лавры успеха, он искал спасения от начинавшейся апатии.

Почти год назад первая книга (чему больше других удивился сам автор) наделала немало шума. В считанные недели она стала бестселлером, а имя автора замелькало на страницах литературных и гляцевых журналов. Первое говорило о признании его коллегами по цеху, второе – что он попал в «обойму богемы».

Спустя ещё некоторое время, тоже достаточно короткое, (может быть, около месяца) одна солидная редакция предложила перспективному писателю контракт на следующую книгу. Роман. Срок дали четырнадцать месяцев, и почти половина его уже пролетела мимо. Но состояние внутреннего равновесия, которое так необходимо для любого творческого действия, никак не хотело проявляться.

Писателя уже начали посещать беспокойные мысли: вдруг он потратит оставшееся время так же бездарно? Редакция в нём разочаруется; написание романа отдадут другому автору, а успех первой его книги сочтут не более чем случайностью. Затем перестанут приглашать на светские рауты, и постепенно про него забудут...

О нет, только не это! Излюбленным способом обрести в душе баланс с миром и собой было отправиться в деревеньку Карасёвка, не совсем ещё забытую богом. Правда, в речке, давшей такое живописное название деревне, карасей, как, впрочем, и никакой другой живности – не было, и быть не могло: полвека назад она пересохла. Однако творческая натура жаждала вовсе не рыбалки, но лишь покоя, а его в такой глухомани было достаточно.

Поэтому последние два года летними вечерами юноша бродил по ситцевым лугам ромашек, колокольчиков, полевых гвоздик, слушая пронзительное щебетание птиц, зазорное стрекотание кузнечиков и особенно – тишину.

На такси примчался за полчаса до отправления первой электрички. Вот она распахнула двери, и путник прильнул к окну почти пустого вагона. После некоторой раздражённости, – виной тому была бессонная ночь и суматоха сборов, – теперь, потягивая капучино из картонного стаканчика, Роман ощутил почти блаженство.

Поезд неслышно тронулся и, не торопясь, скользнул по рельсам. Наш пассажир развернул только что купленную газету и в получтении-полудрёме старался скоротать время. Иногда, если возникал подзабытый пейзаж, или, напротив, глубоко запавший в память, – подолгу не отрывал взгляд от заоконных картин.

Половина пути позади. Мимо проплывали радующие глаз виды Подмоскovie: то кажущийся со стороны дремучим, словно в былинах, лес; то болотце – с танцующей от лёгкого дуновения ветерка ряской; то рабочие и сельские посёлки. Взгляд зацепил обломки фермы – остановка «Советское хозяйство». Пустота... А ведь всего какой-то десяток лет назад звучным мычанием лениво жующие пеструшки приветствовали летящие мимо поезда. Да, время неумолимо испепеляет всё, и гораздо быстрее, чем человек поймёт беду и попытается что-то исправить...

Двери ритмично растворялись перед одной остановкой, другой, третьей, не оставляя в душе следа... Однако одно название кольнуло память юноши – «Тихое озеро».

Всякий раз, проезжая мимо широкой глади, в которой близ берегов плавно колыхались перевёрнутые ветки ольхи, да тянулись в небо сосны, Роман давал себе слово, что в следующий раз непременно сойдёт здесь. Но привычка брала своё, и он ехал дальше, в давно насиженное уже место...

И на этот раз промелькнула та же мысль, и приготовилась вот-вот унести дальше через открытое окно... Но Роман успел схватить её удаляющийся шлейф, а заодно с полки и дорожную сумку, – и вынырнул из вагона.

Он не был разочарован. В благодарность за оказанное внимание солнечные зайчики завальсировали по лёгким озёрным волнам, а путника мягко обволокло благоухание воды и хвои.

Из оцепенения Романа вывел протяжный гуд товарного поезда, и вслед за ним монотонное цоканье нескончаемой цепи нефтяных цистерн. Он осмотрелся – и тут же исчезла последняя тень сомнения, что шаг был сделан верный. По берегам озера надёжной охраной выстроились ряды ядрёных сосен. Стрелы утреннего солнца легко проскальзывали сквозь их двухсаженные ветви.

Взору открылась пёстрая картина загородной жизни, занявшая даль до самого горизонта: звонко крутились флюгера евро-отделанных коттеджей; между ними виновато ютились слепленные из подручного материала, – какой только можно было достать тридцать-сорок лет назад, – летние домики дачников. Среди этой пестроты выделялись обветшалые деревенские избы «в три окна», некогда крепко сбитые мужицкой рукой.

Роман сразу почувствовал, что именно в таком, настоящем деревенском доме он хочет найти пристанище. Местный житель, не молодой уже, но ладно скроенный и прямо-таки излучающий здоровье, не отвлекаясь от копки грядок, показал, где «живёт одна бабка, а гостит у ней сестра, и они вроде говорили насчёт постояльцев». Ободрённый этим советом, молодой человек поспешно направился к самой крайней избушке, не обращая внимания на кусачую крапиву вдоль узкой тропы.

В доме его радушно встретили две старушки-сестры, одна другой древнее. Чей был дом, а кто жил гостьей, распознать было непросто, да и не нужно – вели они себя одинаково по-хозяйски.

Сумму за проживание назначили сумму для Романа безделицу. Однако для них, сидящих на скудных крестьянских пенсиях, и эта, по сути, мелочь служила весомым вкладом в скромный семейный бюджет. Не меньшей радостью для старушек была и сильная молодая рука, тоскующая по обычному домашнему труду. Перво-наперво юношу попросили сдвинуть приросший к полу кованный сундук и щедро разложили вдоль стены цветки пижмы – «от молей». Затем он играючи наколот заготовленные для бани дрова.

За всё это (и просто по доброте душевной) бабули вволю потчевали столичного гостя тёплым молоком с оладьями на опаре, которые ждали его каждое утро, прикрытые накрахмаленным полотенцем, чтобы подольше не остывали...

Огород и скотный двор были на младшей из сестёр – Катерине. Старшая, Наталья, хлопотала в доме. Почти столетие прожила она здесь, в родительском гнезде. Чехарда событий, разрисовавших всеми оттенками красок двадцатый век, не могла не коснуться судьбы бабы Наташи.

Бегала в дождь и снег по полю навстречу почтальонке за помятым тетрадным треугольником с фронта – весточкой от мужа. Сидела с детишками за длинным столом, сработанным мужниными руками, вслух читала письма, в которых он писал, чтобы они берегли себя, а у него всё хорошо.

Потом, при тусклой керосиновой лампе, путались от слёз буквы на похоронке. Ну а после войны выдавала замуж дочерей, отправляла в армию и на учёбу в город сыновей... Та же участь и у Катерины, с разницей только, что супруг, слава Богу, с войны вернулся. Но много было ран, видимых и скрытых, которые не дали и десяти лет подышать мирным воздухом и полюбоваться мирным небом. Вот и коротают теперь сёстры свой век, один на двоих. Да только жизнь им тужить не велела...

Бабка Наталья не всегда знала, какое нынче число, особенно если день не был значимым для церковного календаря. Зато память аккуратно разложила по шкатулочкам и бережно хранила воспоминания далёкого детства. Время от времени один из тех драгоценных ящичков в шкатулке памяти приоткрывался и выпускал на волю историю, одну причудливее другой...

Тогда неприметный домишко становился центром деревенских посиделок. И местные, и приехавшие на лето – никто не сомневался, что рассказ будет удивительным, с волшебством и чудесами. Гости (хотя такого слова в обиходе жителей не было, и все друг друга называли соседями) приносили с собой незатейливые гостинцы – мятные пряники, помадки и сахарные печенюшки из бакалейного ларька, сайки и плюшки домашней выпечки.

Вкусности складывали на тот самый длинный стол, с горячим самоваром, прозрачными розеточками для варенья и множеством чашек. Разномастных, но обязательно с блюдечком. Брали с собой и детишек – те сидели смирно и, замерев, слушали «бабины сказки». Плавный говор рассказчицы изредка нарушало только лузгание семечек.

Присутствие постояльца несколько не повлияло на привычный ход событий, и после дружного вечернего полива грядки потянулись слушатели. Роман решил остаться дома – ему хотелось отдохнуть с дороги, да и не знал он ещё, куда бы пойти. Но главное, так было хорошо и уютно в простой бревенчатой избе, повсюду застланной рукодельными половичками, что хотелось впитать эту теплоту и покой, и хранить в себе, не отпуская никуда долго-долго...

На этот раз история в памяти старой рассказчицы всплыла необыкновенная...

Глава 2

Бабина сказка

«Приключилось это давно, когда и железной дороги здесь ещё не было. «Тёмное» озеро называлось в ту пору Островным, потому как был посреди озера остров, а на нём – барский дом. И вела к острову одна-единственная тропка, и та – по топи болотной. Да редко кто по ней ходил, а кто и отваживался, не всяк до острова добирался – пропадал в омуте.

Как тот дом строили, ведомо одному дубу столетнему. Сказывают только, когда домашнюю утварь перевозили, сплетён был мост из корабельных верёвок. Да после хозяин велел и его убрать, так что кроме как на лодке, да зимой на санях, никак туда не добраться. Таким затейником был этот барин. Недаром что и гости его были как на подбор – всё артисты, да певцы с танцорами.

Им что ночь, что за полночь, знай себе на рояле музыку играют да песни поют – далеко за озеро голоса их тянулись.

Бывал у них давний друг барина, ещё со студенческой поры, художник. Небольшая гостевая комната, которую он занимал, на следующий день по его приезду превращалась в мастерскую. Повсюду были разложены по порядку, одному ему понятному, холсты, кисти, краски. А из одежды и вещей имел с собой лишь самое необходимое для одинокого художника. Только всегда при нём были два чудных предмета – трость с круглым набалдашником и статуэтка в виде чёртика, которую он неизменно ставил перед собой.

Сам художник огненно-рыжий, вихры как огни по ветру разлетаются, глаза как синь небесная, а до того озорные, будто в них бесята прыгают. Деревца рисовал – словно живые, так и хотелось рукой листок погладить. Но главное – невиданной красоты портреты у него выходили. Бродит, бывало, по деревне, с красками и мальбертой, приглядывается. Кого остановит, на лавку попросит присесть. Разложит кисточки и начинает колдовать. Час, другой – краше чем в зеркале лицо на холсте. Только в глазах, чьи бы ни были, какая-то вроде усмешка.

Рисовал и барина, и гостей, один раз – жену барина. Ушли посреди дня в беседку, а к вечеру уж готов был портрет. На губах затаилась улыбка, в руке орхидея лиловая, а взглядом точно в душу заглядывает. Да только вот что скажу – день-то такой ясный был, ни облачка, а на холсте том – будто пятно тёмное, вроде тучи грозовой, да с блеском молний...»

Таково было начало истории, которую решила поведать на этот раз бабка Наталья. Тем временем закипел самовар, и слушатели немного перевели дух, во все щёки дуя на дымящийся аромат чая с земляничным листом. Дальше в удивительной истории дело было так: летом дни мелькали скоротечно и весело. Но лето кончается быстро, а вместе с ним – шум и веселье. Всё затихало в усадьбе. Жизнь возвращалась к своим будничным заботам.

А по деревне прошёл слух об ошеломительном успехе художника. Картины его переезжали из одной галереи в другую, и в центре

экспозиции неизменно выставлялся портрет женщины с лиловой орхидеей. Частные коллекционеры назначали неслыханно высокие цены за работы, из желающих запечатлеть своё изображение выстраивались очереди.

...Негромкий голос, каким-то едва уловимым оттенком передающий настроение рассказчицы, лился неторопливой рекой:

«Да только вдруг стали замечать за художником какие-то несурезицы. Рисует вроде лицо, а как сумерки настанут – в глазах будто отражение застывшее появляется. А чьё – и поминать страшно. Дальше – больше. Рисует вроде девушку в кокошнике. – Дни проходят, и с картины – свят, свят, господи помилуй – бес оскалился. Потом и сам с ним, с бесом-то, разговоры начал вести. Да всё про договор какой-то с нечистым, и про расплату. Так умом-то и тронулся.

Изредка в ясный зимний день слышался в усадьбе звон бубенца. Значит, гости пожаловали! Тут начинался суший переполох: доставали из погребов соленья-сахаренья, повар бежал в птичий загон отлавливать индюшку, прислуга вытряхивала пышные подушки из кладовок...

Любили гости развлекаться катанием на санях, с крутого берега – прямо на заледенелое озеро. В тот год зима выдалась морозная, и барыня не выходила на гулянья – оставалась в покоях, жаловалась на простуду. Только глазастые девки перешептывались – примечали округление... Но зря не судачили, боялись огласки.

И сколь студёной была зима, столь же радостной и звонкой пришла весна. Изю дня в день росли вниз сугробы, снежное озеро покрывалось серыми буграми.

В Чистый четверг, к вечеру, когда в домах прибрались и замесили тесто для куличей, весть о благополучном разрешении барыни разнеслась по окрестным деревьям.

Ох, какой долгожданной была эта весть! Ведь шестой год пошёл, как жили душа в душу, жена – светлокудрая нимфа, и муж – южной крови кареглазый красавец. А вот детками Бог никак не награждал. Теперь же вся родня, и золовки, и свекровки, ехали с поздравлениями да подарками.

Счастливым отец голубем ворковал над колыбелькой, умиленно разглядывая в кружевном чепце крохотное личико. Но в бочке с мёдом всегда затаится поварёшка дёгтя. В людской нет-нет, да и припоминали и смех в беседке, и портрет с таинственной улыбкой, и лиловую орхидею...

Через год черты мальчика определились яснее. Рыжие кудряшки не хотели слушаться нянькиной гребёнки, как и маленький озорник – саму няньку. Только когда смотрел на небо – замирал. Подолгу не отводил взгляда от небесных узоров, а они плыли в его, такой же синевы, глазах. Матушка в эти минуты особенно не могла нарадоваться на малыша, барин – закуривал трубку.

А по осени, едва озеро затянулось ледком, он усадил жену на расписные, украшенные металлическим кружевом саночки. Слугам приказал потуже затянуть ремешки – на случай, если сани перевернутся. Но сани не перевернулись, а ровнёхонько съехали на хрупкий лёд. Барыня сидела прямо, молча глядела вдаль, и только уголки губ вздрагивали – видно, разгадала замысел мужа...

Похороны прошли тихо и как-то смиренно. Родные медленно приближались к утопленнице, клали прощальные поклоны. На алом бархате гроба покоились лиловые орхидеи, он был заколочен и поговаривали – что пустой... Со словом утешения близкие подходили к супругу и тотчас поворачивали в сторону. Мужчины не решались вступать с ним в разговор, женщины робели дать волю слезам. Пригласив всех за богато убранный поминальный стол, хозяин побыл с ними самое короткое время, затем извинился, что очень устал, и уединился в кабинете.

Без хозяйки всё в доме оцепенело. Говорили меж собой тихо и только по крайней надобности: затопить ли печь, подавать ли обед, но главная забота была о малыше – во что одеть, какое кушанье приготовить.

Помогала на траурных хлопотах младшая сестра барина. И ещё предложила забрать на воспитание к себе мальчика, на что брат поначалу с равнодушием пожал плечами. Но уже через несколько мгновений растроганно обнял сестру и просил беречь племянника как родного сына.

Весь день гуляли они втроём по лесу. Уже потемну сестра покинула дом с мальчиком и документом на полное владение именем в случае непредвиденных обстоятельств с братом. Потом барин ещё несколько дней ездил на службу, возвращался поздно. Говорили – вечерами засиживается у адвоката. Одним утром позвал колокольчиком прислугу, велел принести в спальню штоф и что-нибудь закусить. Также и на завтра, и послезавтра. В людской уже не знали, следует ли нынче приготавливать костюм, но беспокоить не смели...

На четвёртый день он вышел из кабинета за чашкою кофя. А уже через час по кленовому золоту бойко покатила кибитка с барином и полицмейстером в участок. Больше хозяина здесь не видали. Бабы говаривали, что воротился он через десять лет, с каторги. А на месте усадьбы встретили его лишь чёрные головешки – дом вспыхнул метельной зимней ночью, и рыжими лохмами полыхал до утра».

Лица слушателей, и особенно – слушательниц, застывали от страха и изумления. Всё реже слышалось позвякивание чайных ложечек. Детишки плотнее прижимались к взрослым. И было от чего:

«Барин весь день бродил по останкам своей прежней обители. Долго стоял на берегу озера, всматриваясь в холодную прозрачность водной глади. Когда уже собрался покинуть остров, ногой наткнулся на что-то острое.

Наклонился и увидел высунувшуюся из земли металлическую статуэтку – то ли чёртика, то ли цирковой обезьянки. Поднял, но внимательно рассматривать не стал, хотя где-то внутри промелькнуло, что фигурку эту он когда-то видел. Где и при каких обстоятельствах, вспоминать не хотелось, как и долго держать её в руках. Захотелось скорее от неё избавиться. И статуэтка соскользнула с ладони, снова уткнувшись в землю».

Чем дольше говорила бабка Наталья, тем её голос становился моложе и звонче, глаза наполнялись то тёплым блеском, то тревогой. Казалось, рассказчица сама была частью этой удивительной истории. Меж тем старенькие, но всё ещё верно тикающие ходики прокуковали одиннадцать раз.

А завтра с раннего утра всех ждали крестьянские заботы. Стало быть, настала пора переходить к развязке.

«Всю ночь плавал барин на лодке, звал жену. И в ответ ему, скажут, тоже голос был...»

Местные остров обходили стороной. Само событие, когда-то потрясшее всю округу, теперь превратилось в обросшую домыслами легенду, с нечистой силой и злыми духами. Говорили даже, будто временами с острова слышатся человеческие звуки – то ли рыдания, то ли смех... Как бы там ни было, места этого боялись как заклятого, пугали расшалившихся детей, что там прячется разбойник, который топит неслухных. И уже трудно было различить, где заканчивается правда и начинается вымысел.

Глава 3

Любопытный разговор

Начало романа было положено ещё зимой, в городе.

Но всё написанное автору теперь решительно не нравилось. Ему казалось, что персонажи слишком ходульны, а сама идея романа – банальна и чуть ли не приближается к пошлости.

По приезду в деревню несколько дней литератор конструировал новый сюжет. Главную цель видел отчётливо – он хочет описать любовь. А именно – проникнуть в тончайшие узоры её зарождения, описать щемящее ожидание встреч. Но вот как это передать на бумаге? Потянулись долгие, с беспокойным сном, ночи и тягостные дни обдумывания.

Так, для начала надо изобразить атмосферу, в которой предстояло развернуться повествованию, благо, что журналистская практика давала некоторый опыт. Описать обстановку, где произошла встреча. Пройтись по так называемому «высшему» свету, устройство которого автор хорошо знал и, чего греха таить, нравы которого были ему не чужды.

То там, то здесь возникал какой-либо скандал, новая сплетня, склока... Люди «богема» в массе своей самолюбивые, мнительные и обидчивые. Движущей силой является стремление во что бы то ни стало стать центром внимания и обсуждения – по любому поводу и под любым, мало-мальски значимым, предлогом. Ради этого устраиваются прилюдные, желательно в присутствии братии журналистов, скандалы с обливанием друг друга соком (желательно апельсиновым или томатным) и обляпыванием платьев из бутиков кремовыми пирожными. А вечером, на рауте исключительно для приглашённых, они уже дружно хохочут над своими выходками. На фоне вот таких «высоких человеческих отношений» задумал автор устроить душевные искания своим героям.

Затем – первая встреча. Место выбрать публичное, однако не особенно людное. Впрочем, пусть и людное – в театре или концертном зале. Короткий взгляд, быстро отведённый в сторону (вот именно так и написать, не забыть бы). Он увидел её, она заметила его... Далее – его мысли, её чувства. Потом можно повторить историю, слышанную на юбилее у N., – там и драма, и немного комедии, и всё же разлука в финале. Как раз то, что нужно. Описать сцену расставания надо очень подробно. Писатель представлял глаза героини, слышал слова героя. Вот теперь можно вернуться к интриге – здесь должна быть непредсказуемость, некоторый провал повествования, неожиданный для читателя. Это надо будет додумать.

Додумывал писатель, бродя по лесным тропам, время от времени доставал из кармана карандаш и блокнот. Спустя уже несколько дней канва повествования начала вырисовываться. В голове носилась буря мыслей – писатель хватал их, одни увязывал между собой, другие отбрасывал.

Приходя домой и наспех проглатывая миску щей с душистыми шкварками или грибной лапши, без промедления усаживался за стол. Доставал свежую пачку листов и выводил всё новые и новые строки. Час, два, три писал, не отрываясь, воодушевлённо – когда о словах даже не задумываешься, а они сами слетают с пера и складываются в предложения.

Далеко за полночь, удовлетворённый своим творческим порывом, с приятной усталостью и ощущением оправданности собственного бытия ложился спать.

Итак, вступление было практически готово – описание персонажей, обстоятельства встречи и городские пейзажи выглядели вполне правдоподобно.

Но спустя ещё несколько дней вдруг всё застопорилось. Как будто кто-то повернул назад невидимый регулятор творческого горения. Всё чаще случались остановки, и рука замирала на полуслове; всё больше слов и абзацев зачёркивалось, переписывалось; а то и целые листы, скомканные, летели в мусорную корзину.

Писатель часами нарезал круги по комнате, пытаясь собраться с мыслями. Вскоре он понял причину такой перемены. От задних планов, вторых сюжетных линий и разнообразного фона повествования пора было уже переходить к главному – сфере чувств героев. Вот тут и начали возникать препоны – мысль, в своей попытке проникнуть в сокровенную суть отношений и перенестись на бумагу, терпела фиаско. Легче было множество раз описать любые действия или пейзажи.

Но то, что творилось в сердцах влюблённых, выходило схематичным и двумерно-упрощённым. Писатель вполне отдавал себе отчёт, насколько в действительности тоньше сплетена эта материя, в которой каждая нить наделена своим оттенком. Но описать этого не мог. Словно залпом пил божественное вино, не успевая уловить многогранности вкуса.

Положение дел не менялось больше недели. Роман заставлял себя что-то придумывать, но получалось тяжело и грубо. В конце концов, автор признался себе, что не может создать вымышленную историю любви – светлую и чистую, что переоценил свои силы. А причина тому очень проста – он не испытывал сейчас сам этого прекрасного чувства...

Утром наш герой опустошил кружку не успевшего ещё остыть парного молока с доброй горбушкой ржаного хлеба и отправился в лес. Справедливости ради надо сказать, что, поселившись в деревенском домике, наш герой не жил полным отшельником.

Каждый день бродя по окрестностям, он нередко встречался и с местными жителями, и такими же, как он – живущими наездами. Все дружелюбно кивали друг другу, перекидывались фразами о погоде – и ненавязчиво появлялись знакомства.

На опушке леса, в тени развесистой берёзы, с утра пораньше, на раскладной табуреточке устраивалась приличного пенсионного возраста дачница в широкополой соломенной шляпе. Положив на колени книгу, она читала до обеда, время от времени прохаживаясь босиком по траве. И в это утро Роман застал её там. Когда они поравнялись, та приподняла голову со словами:

– Гуляете? Замечательный здесь воздух!

– Да, тоже решил проветриться.

Она встала, провела рукой по книжному переплёту и положила книгу на табурет. «Унесённая ветром», – не совсем верно прочёл название наш автор.

– Отдыхаю душой с этой книгой.

– А я, признаться, не читал. Думал, если автор – женщина, то вряд ли мужчине будет интересно.

Она не скрыла удивления:

– Извините, здесь с вами не соглашусь. Видимо, не каждому мужчине дано понять, как может чувствовать женщина и как может описать своё чувство. Такое сокровище в сердце...

– Вы хотите сказать, что Митчелл написала роман о себе?

– Этого я не говорю. В книге всегда должна быть доля вымысла. Но скажу одно – она явно пережила подобную страсть, иначе откуда ей про это знать.

Невероятно интересные порой складываются разговоры незнакомых людей, сведённых случаем на какое-то время. В таком разговоре неожиданно могут открыться целые миры, далёкие, неведомые. Люди не стесняясь делятся самым сокровенным, уверенные в том, что встреча эта первая – и последняя.

Слова умудрённой большим опытом женщины не давали Роману покоя. Он увидел в них ответ на вопрос, почему никак не пишется книга. Конечно, он испытывал увлечения, и довольно сильные, но сейчас-то сердце было свободно, вернее даже пусто – без любви.

От этого все слова и ночные бдения в точности совпадали со словами апостола Павла: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая».

Это был гром среди ясного неба. Тупик. И что делать дальше, писатель решительно не знал. Не знал даже, как к этому подступиться.

В голове была сумятица. Чтобы не прийти в полное отчаяние, писатель решил развеяться и сходить на тот самый остров из рассказа бабы Натальи.

Утром встал рано, накинул болоньевую куртку и зашагал по росистой тропинке. Со временем с некоторых сторон озеро заболотилось и заросло камышом. Так что любители клюквы давно проложили здесь тропки, и Роман, легко перемахивая с кочки на кочку, в считанные минуты оказался у цели.

Над островом расстился плотный матовый туман. Роман пробрался сквозь сильную, никем не утопанную траву, на которой отдыхали белоснежные цветки выюнков, и вышел на поляну с рассыпанными бусинками земляники. За розовым ковром, сотканным из цветков клевера, выделялась насыпь от фундамента. Писатель осторожно спустился туда по выдававшимся камням. Тёплые, горько-медовые запахи пижмы и полыни обволокли путника, на несколько мгновений закружили голову.

Он медленно зашагал вдоль стен котлована. Перед глазами пестрела картина разбросанных временем, ветрами и дождями, потрескавшихся кусочков когда-то расписных глиняных цветочных горшков и дорогих, Кузнецовского фарфора осколков чайного сервиза, цвета слоновой кости с бегущей голубой волной.

Но по большей части осколки разбившегося счастья навсегда были засыпаны пеплом, песком, глиной. Под ногами валялось множество бесформенных комочков. И как узнать, в котором из них затаилось хоть что-то, способное рассказать об этом одиноком доме...

Солнечный лучик, как будто направленный чьим-то невидимым зеркалом, скользнул по комку земли, подобных которому в овраге было разбросано множество.

Роман поднял его, и, почувствовав в себе азарт искателя, ковырнул оказавшейся тут же, под ногами, сухой веткой. И постепенно тонкая царапина заиграла на свету, превратившись в золотую нить. Роман принялся скрупулезно отковыривать наросты тонкими слоями, боясь повредить нечто, поманившее его...

Роман сидел на замшелом, овальном камне, уже начиная терять счёт времени. Силуэт находки постепенно обрисовывался, и ново-явленный археолог осторожно выцарапывал остатки земли уже из мелких впадинок, прямо ногтями.

Начинавшие проявляться формы тщательно обтирал травой до тех пор, пока перед глазами не определились очертания... статуэтки. Едва помещавшаяся на ладони, местами позеленевшая от многолетнего пребывания в земле, она теперь приобретала свой первоначальный вид.

Фигурка оказалась довольно увесистой и имела форму чёртика. Он стоял на двух копытцах, а длинный изогнутый хвост позволял ему не упасть. Мордочка у него была, что ни на есть – самая бесовская, с козлиными рожками и бородкой, но совершенно не злоеющая. Густые, вздёрнутые брови, вытянутые звериные уши. Чёртик дразнился, приставив к носу-пяточку растопыренные пальцы и показывая язык.

Созерцание юноши прервал хруст веток. Роман даже вздрогнул – настолько неожиданно раздался этот звук, и прямо рядом с ним. Как это он не услышал, что кто-то подошёл. Ведь не по воздуху же прилетел?!

– Забавная штукавина, – услышал путник за своей спиной негромкий голос.

Быстро обернувшись, увидел невысокого роста, коренастого, широколицего, с рыжей бородкой мужчину не старого, но довольно зрелого возраста... То ли странным образом падали лучи солнца, то ли глаза устали от напряжения, но взор его показался Роману очень тёмного, едва ли не чёрного цвета.

– Какое изделие! Видно, что старинной работы, – продолжал восторгаться прохожий, – а что-то я вас здесь никогда не видел, молодой человек. На природе приехали погостить?

– Да вроде того. Отдыхать здесь замечательно, – с заметным вздохом ответил путник.

– А почему вас это расстраивает?

– Да не расстраивает. Только кроме отдыха тут ничего не получается...

– А вы ещё поработать хотели бы... – вкрадчиво продолжал незнакомец, – творческой деятельностью изволите заниматься?

– Да... в некотором смысле. Пытаюсь что-нибудь написать.

– О, вдохновение – штука капризная. Ему не прикажешь. Но бывают, знаете ли, помощники. Талисманы, амулеты. И если в них верить, то обязательно сбывается.

– Но у меня с собой ничего такого и нет, ведь я не дома. Разве что теперь будет вот этот смешной чёртик, – Роман повернул ладонь с фигуркой к незнакомцу, но тот скользнул по ней взглядом с видимым безразличием.

– А что? Неплохой вариант. Может быть, вы подружитесь, и он нашепчет вам какую-нибудь гениальную тему, сделав знаменитым и богатым. А то всё у вас, среди людей, себе присваивают пронырливые бездари.

– Значит, вся надежда на него, – усмехнулся Роман, – пообещаю ему долю от гонорара.

– ... и тогда появится всё то, что вы по праву таланта заслуживаете, – подхватил на полуслове собеседник.

«Всё же эта странная сделка может привести к непредсказуемому результату», – пронеслось в голове нашего путника.

– К очень даже предсказуемому. И какому, я вам уже буквально в двух словах обрисовал, – деловито произнёс гость.

То, что незнакомец не только понял его мысли, но даже и ответил на них, Романа уже почти не удивило.

– А с вами приятно иметь дело! Но ведь и ваш новый друг, как нетрудно догадаться – не из человеческой братии, его вряд ли заинтересуют металлические бляшки, столь ценные для людей. Но вдруг он вам поставит какое-нибудь условие?

– Да какой ему-то прок иметь со мной дело? – поддерживая странный словесный пинг-понг больше ради забавы, наш путник

сам незаметно в него втянулся и даже почувствовал вкус азарта.

– Да мало ли что придёт в голову этому, с позволения сказать, милому созданию? Он ведь тот ещё... шутник. Возьмёт, да и попросит взамен чью-нибудь жизнь, – при этих словах незнакомец вдруг звучно расхохотался.

– Весёленькая шутка. И для чего она ему нужна?

– Ну, знаете ли, светлые души нужны не только людям... Мне даже иногда кажется, что им – меньше всего. Рассудите сами – каждый день десятки тысяч жителей покидают земной мир, и если к их числу прибавится ещё один... Впрочем, я уверен, что ваш приятель не отличается кровожадностью и обеспечит уход без мучений. К тому же бывают и просто совпадения...

– Ну, если так, – Роман даже попытался рассмеяться, – тогда я, пожалуй, соглашусь. А откуда у вас такие странные фантазии?

– Сам не знаю, – услышался голос, но каким-то глухим и далёким эхом.

Роман обернулся, но никого рядом не было...

Глава 4

Причудливая статуэтка

Дома наш писатель наспех наложил из чугунка в тарелку порционную горку гречневой каши со смальцем, запил густым смородиновым киселём...

Сел за стол, застеленный вышитыми крестиком салфетками, достал пачку слегка истрепанных по краям листов, взял карандаш...

Вдруг порывисто встал, будто внезапно вспомнив о чем-то чрезвычайно важном. Достал из куртки завернутую в лист лопуха статуэтку, обтёр им прилипшие комочки земли. И осторожно, словно сконструированную из тонких льдинок, вымыл под рукомойником. Поставил на салфетку, прямо перед собой.

И вплотную приблизил к ней лицо:

– Ну, что же замечательного ты мне нашепчешь?

Несколько секунд они словно смотрели друг на друга: Роман с недоумением, фигурка – с явным интересом и почти ухмылкой.

Юноша протянул руку к статуэтке, приподнял – и почувствовал пронзительную резь. Вскрикнув, выронил, – настолько внезапной оказалась боль. На кисти у большого пальца быстро проявились две кровавые линии. В голове промелькнуло: «Как же я устал». Всё поплыло перед глазами, и последним, что он успел различить, была фигурка, которая дразнила его. Откинулся на кресло. И провалился – словно в небытие.

Когда проснулся, не сразу сориентировался, как надолго покинуло его сознание. Часы показывали четыре часа – то ли утра, то ли вечера. Вернуться в реальность помогли продиравшие горло пестухи и сонное мычание коров, которых такой же, сонный, пастух гнал на пастбище.

– Задремал, – пробормотал Роман. В голове вихрем пронеслись картины, произошедшие в последние дни – и оторопь завладела нашим путником. Он поднялся, медленно отёр лицо руками, посмотрел на стол, на ладонь... Они были там – два неглубоких пореза, свернувшаяся кровь.

Перевёл взгляд на статуэтку – на чёрной лапе виднелся капельный, чуть заметный подтёк. Потёр пальцем это место – на коже остался бурый след. Всё же попытался успокоить себя. Просто оцарапался о металл. Что здесь необычного?

Ещё раз провёл ладонями по лицу, бормоча: «Фу, чёрт, уже мерещится не пойми что. Вся эта история, потом туман над оврагом...» И вновь почувствовал невыносимую, давящую усталость.

Под лоскутным ватным одеялом засыпалось тепло и уютно. Но спустя какое-то время наш писатель начал беспокойно ворочаться и чуть ли не с головой закутываться в пододеяльник. Словно прятался от кого-то, то ли во сне, то ли наяву. Даже когда осознал, что уже не спит, всё равно продолжал лежать с закрытыми глазами. И всё не решался их открыть, потому что ясно почувствовал, отчего ему так не по себе.

Пронзительный взгляд исходил от статуэтки и как будто говорил ехидно: «Пишет, пишет, старается, ничего не получается!» Роман через непонятное, но явное сопротивление поднял глаза.

В голове ломило, ладонь жгло, теперь уже тупо, но глубоко. А на столе безучастно стоял холодный, безжизненный кусок металла. Посмотрел на абажур ночного светильника, листы рукописи, стопками разложенные на столе. Потом на чёртика. Боковое освещение причудливо исказило пропорции – хвост как будто вытянулся, лапы опущены, мордочка развернулась в его сторону. Вышитая крестиком салфетка отодвинута.

Всё ещё преодолевая огромное нежелание садиться за стол, он заставил себя погрузиться в мир рождения книги. Вот появилась строка, вторая, третья... Перечитал. Мертво. Перечеркнул, написал заново. Опять фальшь. «Ну и где мой гениальный роман?» – в раздражении прошептал писатель и в упор, с укором посмотрел на статуэтку. А она всё также дразнила его прислонёнными к носу растопыренными пальцами. Роман взял фигурку и резко сунул в стол. Затем долго вставал, садился, снова мерил шагами комнату. Нужные слова не приходили.

Глава 5

На лесной тропе

Ничего больше не хотелось, как углубиться подальше в лес и побыть в тишине, наедине с собой. Наш путник исходил много дорожек в округе. Только в одной стороне ещё не был, и решил туда повернуть.

Тропка была тихая, если не сказать – безлюдная. Навстречу прошли несколько старушек, как одна покрытых белыми платочками. На вопрос, куда ведёт тропинка, они заулыбались со словами: «В церковь. Ступай прямо и дойдёшь».

Роман слышал про церковь от соседей, когда они приходили на вечерние посиделки, по праздникам в неё ходила и баба Катя. Несколько раз появлялась тяга туда пойти. Но уступала место другим заботам. Видимо, не настолько сильно тянуло...

«Вот уж поистине ничего не бывает случайного», – подумал он и зашагал по тропинке. Но спустя несколько минут упёрся в перекрёсток. Старушки, видимо, приписали путнику дар ясновидения, и не сомневались, что тот безошибочно выберет нужную дорогу.

Как потом узнал Роман, две из них вели к церкви. Но он пошёл по третьей. Когда заметил в стороне ряд потускневших могильных оградок, понял, что храм находится там. Но сворачивать уже не стал. Идти обратно тоже не хотелось, тем более что начал накрапывать дождь, – и путник прибавил шаг.

Как вдруг услышал позади себя голоса. Мужской будто что-то говорил в повышенном тоне, а женский, скорее даже девичий, отвечал, без малейшего раздражения. Обернувшись, Роман увидел спешащие за ним два зонтика – тёмно-синий и солнечного окраса с пёстрыми мелкими цветками.

Роман подождал с минуту, пока зонтики не поравнялись с ним.

– Не подскажите, можно отсюда выйти к Карасёвке?

– Да-да, можно. Скоро мы подойдём к маленькому пруду, и если обойти его справа, то будет как раз тропа, которая ведёт в ту деревню.

Под зонтиком ёжился довольно высокий, худощавый, белоголовый дедушка. Неожиданно громко он почти выкрикнул:

– Мы тоже туда. Покажем вам дорогу!

Не успел Роман удивиться, как из-под солнечного зонтика раздался негромкий мягкий голос:

– Дедуля плохо слышит. И сам поэтому говорит громко. Извините.

Зонтик откинулся чуть назад, и Роману улыбнулось личико с ямочкой на щеке. Серо-зелёные глаза вмещали в себя цвет дождя и листвы. Лёгкие, пшеничного цвета волосы слегка колыхались, как лесной ветер на вершинах сосен. На светлый сарафан падал солнечный отсвет её зонтика. Смог оторвать взгляд только при возгласе дедушки:

– Варюша, может, поделишься зонтиком? Мы с тобой и под моим поместимся.

Тонкие ладошки протянули зонтик, пальцы едва коснулись.

Они шли не торопясь, благо что дождь, по-летнему быстро оросив землю, заметно утих. Долго идти молча было неловко. И наш путник задал обычный для такого случая вопрос.

– Вы здесь в первый раз?

– Нет, каждый год приезжаем, – быстро и простодушно ответила девушка. – Дедушка здесь всё лето. А мы с мамой по очереди.

Оказалось, что здесь старенькая дача, которую дедушка построил, будучи руководителем отдела в НИИ. А живут они в одном городе.

Через несколько минут оказались у пруда, обогнули его и свернули на более утопанную дорожку. За непринуждённым разговором незаметно добрались до Карасёвки. Дедушка с Варей юркнули в калитку... пригласили на чай, в любое время, но не сегодня.

Дома Роман сразу сварил себе кофе, с сахаром и лимоном. Минуло около часа. Утреннее буйство облаков и ветра закончилось. Несмотря на уверенно сияющее солнце, в воздухе ощущалась влага недавно шедшего дождя. Казалось, звонче обычного щебетали птицы со всех сторон. На душе было непривычно безмятежно.

* * *

На чай решил прийти через несколько дней. Дача их была классическим образцом построек 60-х годов. Застеклённая веранда, стены, обитые тонкими деревянными рейками, ровно выпиленными когда-то сильной хозяйской рукой. Две маленькие спальни, оклеенные давно выцветшими бумажными обоями с бесконечно повторяющимся жёлто-зелёным узором. Чёрно-белый телевизор, буфет, платяной шкаф тех времён. Одна стена полностью занята самодельными книжными полками, заставленными томами БВЛ («Библиотека всемирной литературы»), книгами русской классики и, ближе к кровати деда, журналами «Наука и техника».

На окнах – пёстрые сатиновые шторы, на давно не крашеном полу – вырезанные из паласа дорожки.

Пили чай с маковыми сушками и овсяным печеньем. В доме было тихо, говорить особенно не хотелось. Но молчание не было ни тягостным, ни пустым. На душе у Романа было необычно спокойно и светло.

Придя домой в приподнятом состоянии духа, немедленно сел за рукопись. Однако после нескольких минут равнодушного рассматривания чистых листов писатель понял, что не может думать ни о чём, кроме Вари. Вот они с дедом садятся перед телевизором, она укрывает ему пледом ноги, ставит рядом на журнальный столик стакан чая в древнем подстаканнике. Роман закинул руки за голову и закрыл глаза, улыбаясь. Желание уехать покинуло его.

Мыслями об этой девушке он наслаждался, как долго мучимый жаждой – живой водой из родника. По-прежнему наш писатель продолжать бродить по лесным тропам, но уже веселее, иногда насвистывая какую-нибудь незамысловатую мелодию.

Однажды он заметил очертания девушки, но довольно далеко, и не мог быстро различить лица. В короткой курточке, спортивного кроя брючках. Роман был уверен, что это Варя. И не ошибся. Кажется, она тоже узнала его, и прибавила шагу.

– Посмотрите, какие цветы здесь растут.

Как просто она сказала эти слова, как доверительно протянула букетик лесных лиловых орхидей. Их цветки с белыми прожилками источали аромат, хорошо известный Роману. Но рядом с её руками он был как будто насыщенней.

– Да, аромат ... ни на какой другой не похож. А где же ваш дедушка?

– В саду. Принимает солнечные ванны, – засмеялась Варя.

Не в комнате перед камином, не за столом за бокалом вина при свечах происходил этот разговор. Говорили друг с другом не старые друзья, не брат и сестра, не любовники. Но никогда Роман не чувствовал такой близости. Он хотел ей рассказать всё, что годами не решался открыть другим. Как будто весь мир сомкнулся вокруг них, и помимо слов что-то ещё, незримое, присутствовало здесь.

Не сговариваясь, они пошли по тропе.

– Можно спросить тебя?

– Да. Можно.

– Так необычно видеть вас в деревне, одних, с дедушкой.

– Нет ничего необычного. Врач сказал, что дедушкиному сердцу нужны чистый воздух и тишина. Да и моему не помешают. Сейчас у нас каникулы, скоро у мамы отпуск, а я поеду на практику.

– А где ты учишься?

– В музыкальном училище, на третьем курсе.

– А где вы живёте в городе?

– На Каштановой аллее.

– Зелёная у вас улица. А я на Театральном проспекте, недалеко от музея кукол. Так что иногда езжу к вам в парк.

– Странно... – Варя остановилась. – Мы с вами никогда не встречались, но вы кажетесь...давно знакомым.

Она посмотрела на часы и заторопилась.

– Извините, нам обедать пора. У дедушки всё по режиму, – и протянула спутнику руку. – До свидания.

Роман слегка пожал её ладошку.

– Тогда до вечера? – спросил он с нескрываемой надеждой.

– Да, конечно, – тонкие пальцы мягко выскользнули.

Наш писатель чувствовал какое-то чудесное перевоплощение. Вчера ещё он не мог такого даже представить. А теперь это безгранично радостное настроение, неразбериха в голове, раскрывшиеся за спиной крылья – всё говорило об одном, и Роман признавался себе в этом без лишних слов: он полюбил эту девушку.

И сейчас, всё ещё ощущая на своей ладони тепло её прикосновения, переживал самые трепетные минуты. Как будто Варя взяла его за руку и ввела в свою сказочную страну. Которая, о боже, была рядом, за тонким холстом, изображавшим очаг в каморке папы Карло, но он много раз проходил мимо неё, даже не догадываясь, что стоит только протянуть руку, и случится чудо! Но сделать это можно лишь однажды. Роман не мог предопределить, какие отношения их ожидают. Он боялся делать прогнозы, просто купался в настигшем его потоке счастья.

Сближение произошло скоро и как-то очень естественно, словно они всю предыдущую жизнь ждали этого и готовились. Не было излишне сложных раздумий, постепенного узнавания друг друга, не было никаких совместных дел. Всё случилось как само собой разумеющееся.

Всё происходящее писатель по старой привычке переносил в дневник. Старательно улавливал каждый, самый малозначительный оттенок их отношений. Он понимал, что когда-нибудь эти записи могут пригодиться для будущей книги. Но такого опыта у Романа ещё не было. Хотелось передать бумаге, какого цвета ремешок её часов, какая заколка держит волосы, как Варя вздохнула, засмеялась...

Отчего же возникло такое стремление? Быть может, от предчувствия, что все миры – внутри и вне его – недолговечны. И других подобных уже не будет...

Глава 6

Осень... Зима... Весна!

К началу осени все вернулись в городские квартиры. Дедушка начал зябнуть на даче, несмотря на усердное потрескивание дров в старенькой буржуйке, у Вари начинался учебный год. Роман всего себя посвящал написанию уже давно задуманной книги. В основу её легли порядком накопившиеся дневниковые записи. Пригодились и написанные в деревне страницы, которые были сложены в отдельный конверт до лучших времён.

Но музой романа, без всяких сомнений, стала Варя. Выходил из дому писатель редко, только если давние друзья настойчиво звали на презентации или авторские вечера. Зимними вечерами, закутавшись в плед от городской хляби, под завывание метели, он погружался в мир своего произведения.

С Варей виделись изредка, чаще по поводу. Роман делился новинками, вышедшими из-под пера знакомых авторов, девушка – своими музыкальными успехами.

Теперь они были скорее друзьями, и понимали, почему так случилось, и не противились этому. Варя вернулась в круг своих друзей-однокурсников. Там их связывали профессиональные интересы. Они оба как бы отдавали дань годами сложившемуся укладу жизни, очень различному – Варя учёбе, единомышленникам, маме, бабушке, дому на противоположной стороне города. Писатель – его главной идее с романом, старому и привычному кругу своих интересов. Но наших героев связывала одна общая тайна.

Встречались совсем не так часто, как стремятся видаться влюблённые. Перезванивались, обсуждали новости. При редких встречах Роман дарил цветы, она чмокала его в щёку. Заходили в кафе или просто бродили по парку – и вновь расставались.

Когда-то эта тайна вознесла их до небес. Теперь уже были не те двое, парившие над землёй. Повседневная реальность давала о себе знать. Роман не переставал любить – без абсурдных претензий на взаимность. Он искренне желал Варе счастья, и порадовался (но, признавался себе, – не без тени ревности), когда она рассказала про ухаживания одного старшекурсника.

Ведь это была уже немного другая – столичная Варя, не та дачница-девчонка, с завязанным на затылке хвостиком, без цокающих каблучков и модного маникюра...

* * *

Изо дня в день Роман доставал папку с уже порядком исписанными листами и страницу за страницей продолжал творить свою книгу. Днями, ночами он сидел за письменным столом в общении с самим собою и своими персонажами, и писал – до ломоты руки, до онемения пальцев.

Автор в буквальном смысле сливался со своим повествованием, поэтому оно получилось лёгким и правдивым.

Он снова и снова переживал события, без утайки и стеснения, но даже самые тайные описания получились без малейшего налёта пошлости. Какая же книга без достоверного проявления чувств – не раз он с благодарностью вспоминал тот лесной разговор об авторе «Унесённых ветром».

Без сомнения, всё было именно так! Но нет-нет, как вдруг проглядывало и что-то иное... В описания вкрадывались капли то ли не очень весёлой иронии, то ли недоброй усмешки надо всем происходящим.

Наш герой писал роман, и любил Варю, и любовь перетекала на страницы? Или он любил не саму Варю, с её душой и плотью, а тот эскиз, который срисовал с неё и сам додумал?..

Наконец это свершилось. Послегрозовым вечером, при ослепительно оранжевом закате, последняя точка была поставлена.

И как бы то ни было, роман получился – автор это чувствовал. Не мог (и не хотел уже) прятать желание скорее показать рукопись давнему приятелю-критику. Тот был в курсе, что Роман вот-вот закончит трудиться над своим литературным детищем, и был готов к звонку.

– Феликс, – только и успел произнести писатель.

– Вечером у меня, – без лишних вопросов раздалось на другом конце провода.

Роман достал из стола тяжёлую картонную папку, развязал тесёмки. Добавил к стопке листов последние, прямо сегодня отпечатанные страницы. Ещё раз пробежался глазами по некоторым эпизодам.

«Так, так, и здесь тоже как надо. Скорее бы вечер», – от радостного волнения писатель весь день ходил сам не свой.

Долгожданный час настал.

– Ну и закопался ты в своей берлоге. Давай уже.

Прошли в кабинет, сели на диван. Автор протянул папку.

– Да это целый романище!

– Я не писал так никогда, – лицо нашего героя выражало явное нетерпение.

Феликс достал из портсигара сигарету.

– Давай договоримся. Ты даёшь мне пару-тройку недель на переговоры с издателями. Потом обсудим детали.

Сели на диван. Разлили кофе.

– Ну, выкладывай, что тебя сподвигло на такое. Помнится, ты мне писал из деревни, что там не очень-то работается. Или что-то произошло после? Ты влюбился, проигрался в карты, пара тузов упала на мизере? А?

– Попал прямо в яблочко. Читай, и всё поймёшь.

– Хорошо, больше ни вопроса. Прочту быстро. Выскажусь, как думаю – уж не обессудь. Но в любом случае буду предлагать издательствам.

На том и порешили. «Вот и завертелось, – подумал Роман, выйдя на улицу и всей грудью глотнув свежего весеннего воздуха. – Если выйдет книга, первый экземпляр подарю Варе».

Глава 7

Птица из детства

Настроение Романа было созвучно апрелю. Последний снег стоял. Прохожие сбросили с себя громоздкие шубы и пальто. Девушки – феи весны, сняли шапки, распустив по плечам волосы, и лёгкий ветер ласково игрался ими. Солнце всё увереннее распускало лучи, и они отражались в улыбающихся глазах и лужах, ещё не совсем высохших на мостовой. На деревьях лопались почки, и листва расправляла влажные крылышки навстречу теплу.

Однажды проснувшись, наш писатель выглянул в окно – и увидел город политым прозрачной акварелью.

Безудержно захотелось как можно быстрее оказаться там. На скорую руку подогрел до хрустящей корочки тостеры, намазал малиновым джемом – и запив чашкой быстрорастворимого кофе (хотя предпочтение отдавал, конечно, зерновому), в радостном

расположении духа сделал променаж по улице, по пути в маленьких частных магазинчиках прикупив галеты, яблоки, немного брынзы.

Вернулся домой. И увидел, что через раскрытую створку в комнату как-то умудрился залететь воробышек. Несмыслёныш сидел теперь на карнизе. Стоило молодому человеку зайти и хлопнуть дверью, как тот испуганно чирикнул и сразу же испачкал занавеску.

– Как ты попал сюда? Вот невидаль. Вот, и шторку мне испортил.

Он взял в руки тросточку для задёргивания штор, открыл окно и подтолкнул птаху к выходу. Взъерошенный воробей сорвался с места и, чирикая всё звонче, заметался по комнате. Он пронёсся над головой Романа, едва не задев её, пролетел вдоль стены, окна – наш герой рукой преградил путь дальше, и тот, сам не ожидая, выпорхнул на свободу. Птичий переполох стих так же внезапно, как и начался.

Роман пытался и никак не мог вспомнить – что это значило. Он как будто однажды уже видел, как птица влетала в окно. Но где, когда? У кого-то из друзей дома живёт птица? Вроде бы нет, во всяком случае, ему не приходилось видеть. Наверное, что-то он читал об этом в детстве, и многое уже забылось, в памяти остались только клочья каких-то обрывков. Так, сценка с птицей отложилась. Но определённо что-то надо вспомнить, только – что?

И молодой человек понял.

Из далёкого, будто виденного во сне детства, пришло воспоминание. Семья жила в старом особняке, снимая одну из больших комнат. Однажды тихой летней ночью туда проникла летучая мышь, разбудив всех. Отец встал, зажёл свет. А он, маленький мальчик, мельком взглянул на мышь, трепетавшую и бившуюся кожистыми крыльями в углу, под потолком, закрылся с головой одеялом и, как ему тогда казалось, совсем перестал дышать. Отец пытался выгнать мышь шваброй. Та кричала, пронзительно и до озноба противно... Не в тот ли год умер брат отца?

Летучие мыши жили на чердаке, за маленьким и тёмным от грязи окном. Но когда семья собирались съезжать, они куда-то исчезли.

Перед тем, как проститься с домом, мальчик поборол-таки страх перед мрачным чердаком и забрался по шаткой лестнице.

Там было не так ужасно, как казалось. На подоконнике валялось несколько иссохших махаонов. Мальчик взял одну бабочку, и она рассыпалась, оставив на ладони лишь кучку коричневой пыльцы. Весь пол был в старом сухом помёте, в углах виднелись гнёзда каких-то птиц.

Но как же было странно и некстати – воробей и это детское воспоминание.

Впрочем, за давностью лет наш герой не мог быть уверен, что летучая мышь залетела в год того несчастья. И вообще – что за пережитки средневековья?..

Роман взглянул на часы – было не поздно – и снял телефонную трубку. Он должен был развеять малейшее сомнение – и набрал номер Вари.

– Слушаю, – быстро ответил голос мамы.

– Добрый вечер.

– Это вы, – обрадовалась она, и у молодого человека отлегло с души. – Давненько у нас не были. Мы уже соскучились.

– На днях обязательно заеду! А Варя дома?

– Ещё не вернулась с учёбы. Весна всех с ума свела, с каждым днём моя девочка приходит всё позже.

– Значит, у неё всё нормально?

– Конечно. А почему что-то может быть не нормально?

– Ничего, это я так. Как дедушка?

– Ревматизм, тьфу-тьфу, перестал беспокоить. Только одеваться тепло не хочет. Как и Варя. А погода сейчас такая обманчивая.

– Ну, рад был вас слышать, – надо было заканчивать разговор, пока собеседница не успела оседлать любимого конька. – Передайте Варе привет, на днях заеду.

– Будем очень рады.

Ночь Роман проспал безмятежно, как ребёнок.

Глава 8

Рукописи горят

Вечером следующего дня в дверь громко и нетерпеливо постучали. Только наш писатель успел открыть задвижку замка, распахнулась дверь, едва не сшибив его с ног. Феликс ворвался вихрем, держа в руках папку с бумагами.

– Это превзошло все мои ожидания!

Тут молодой человек заметил, что его друг имеет несколько утомлённый вид.

– Ты всё прочёл?

– И даже не сомкнул глаз. До жути интересно, – заговорил тот взахлёб. – Как это тебе удалось написать такой нежный, откровенный роман?

Вдруг как будто вспомнил что-то и заметался по комнате с вопросом:

– Где?

– Что?

– Телефон! Я буду договариваться с издательством! Едем сейчас же! – Он бросил взгляд на часы. – Нет, сегодня уже поздно. Едем завтра утром. Чёрт возьми, где телефон?

– Вот он, – Роман махнул рукой в сторону стоявшего в углу комнаты журнального столика.

Феликс резко закрутил диск, потом долго слушал гудки и наконец бросил трубку.

– Все уже ушли. Домашний номер я его не помню. Ладно, утром позвоню.

– Тебе понравилось? – всё ещё неуверенно спросил наш писатель.

– Да он с руками оторвёт! Ладно, к делу. Возвращаю рукопись. Завтра отвезёшь. Не пройдёт и месяца, как выйдет тираж.

– Даже не знаю, как тебя благодарить...

– Когда получишь гонорар, поймёшь, – довольная улыбка

расплылась по лицу. – И ещё скажи, кто она? Или ты всё придумал?

– Не придумал.

Но нет, он не расскажет этого никому, даже лучшему другу. Это была тайна – его и Вари.

Часы пробили одиннадцать. Роман, попив чая с мятным сиропом, вроде бы успокоился и настраивался на утро завтрашнего судьбоносного дня. Он размышлял: «Дружеская похвала – это одно, а мнение издателя... Вот когда мои труды займут своё место на полках книжных магазинов, когда я начну получать письма от читателей, тогда смогу считать, что изводил чернила не зря».

Ещё и ещё раз он перебирал листы, перечитывал отдельные эпизоды, радуясь надежде, что он всё же не филистер-графоман.

Наступила почти полночь, а сон никак не шёл. Роман и ждал и боялся грядущего дня. Но надо было ложиться, чтобы наутро встать без пудовой тяжести в голове. Едва прикрыл глаза, как большие напольные часы в прихожей начали бить двенадцать. Но низкий, негромкий звук несколько не мешал, а даже убаюкивал. Однако не только эти, привычные, звуки различил наш герой, но и – как хлопнула входная уличная дверь, как чьи-то тяжёлые, неторопливые шаги эхом отозвались под лестничными сводами спящего дома; всё более приближающиеся и слышимые, они замерли с последним ударом часов.

С минуту тянулась тревожная тишина, и Роман уже подумал, что ему это показалось, и невольно перестал вслушиваться. Повернулся на бок и вот-вот готов был задремать, как вновь отчётливо послышалось – кто-то стучал в дверь. Молодой человек открыл глаза и машинально зажёл светильник. Тихо встал, бесшумно подкрался к двери. Стук прекратился. Роман прислонился к ней ухом, прислушался. Кажется, там никого не было... И тут снова настойчиво постучали, так, что он в испуге отстранился.

– Кто там? Вы видели, сколько времени! – крикнул наш герой.

– Прошу прощенья, что беспокою в столь поздний час, – донёсся ровный мужской голос, – но дело приняло такой оборот, что не терпит отлагательств.

– Кто вы? Какого дьявола являетесь в такое время?

– Это касается вашего романа... И Вари.

– Что? – Роман отдёргнул щеколду и отступил от двери. Из тускло освещённого лестничного пролёта в прихожую вошёл невысокий мужчина. Молодой человек на ощупь щёлкнул выключателем, и в ту же секунду отшатнулся.

Он узнал этого человека и устрасился вести, которую тот может принести. Неужели примета из детства через столько лет обернётся явью?

– Вижу, вы узнали меня, – глухо произнёс мужчина.

Конечно, Роман узнал его: та же борода, чёрный пронизывающий до оторопи взгляд. Только теперь у него была трость, на ручке которой был круглый металлический набалдашник, очень напоминающий голову его статуэтки. Похоже, ей он и стучал в дверь. Теперь всё, во что отказывался до сих пор верить наш герой, складывалось в единый пазл.

– Уходите! Что вам нужно? – он хотел выставить незваного пришельца, чтобы сразу же забыть о нём, но только пятился назад, в комнату, а тот ровным спокойным шагом шёл прямо.

– Есть небольшое дельце, – вкрадчиво заговорил он, – я не отниму у вас много времени... Надо выяснить только некоторые детали. – Произнёс уже вполне уверенно.

Писатель невольно повиновался. Страх растёкся по всем его жилам, сковал остатки воли.

Вошедший сел напротив.

– Во-первых, – промолвил он, осматриваясь, – выпустите моего друга. Куда вы его запрятали?

– Он здесь, в ящике.

– Так откройте же.

Роман выдвинул ящик. Ночной гость взял бесёнка и бережно поставил на стол.

– Ну что же, к делу, – он пристально смотрел на нашего героя. – Всего один вопрос. Полагаю, вы не забыли наш разговор. Пришло время делать выбор. Вы ведь помните условия?

– Так это... Варя?

– Вы догадливы, – мужчина улыбнулся краешками губ.

– Да как вы смеете мне это предлагать? Вы, ничтожный! – Роман вскочил, бросился к стене, на которой висел ковёр, поверх которого – как украшение – было охотничье ружьё, в котором, он знал это точно, оставалось два патрона. Сорвал ружьё и направил его на ноги бородачу.

– Убирайтесь сию же минуту вон! Слышите? Если с Варей что-нибудь случится, я достану вас из-под земли, будь вы хоть сам дьявол!

На незваного гостя устрашающая тирада произвела впечатление не более, чем жужжание мухи. Он всего лишь как будто удивился.

– Порох в патронах отсырел, – произнёс с грустным вздохом. – Вы же намочили их прошлой весной, когда ездили на болото стрелять уток. Ружьё непригодно для стрельбы.

– Ах, непригодно! – воскликнул писатель и с силой нажал на курок, целясь в пол около непрошеного гостя. Раздался щелчок, затем шипение, из ствола лениво выплыл белый дымок, но выстрела не последовало.

Роман отбросил ружьё.

– Вы сумасшедший! – от ярости перехватывало дыхание, и крик вышел какой-то сдавленный и жалкий. Он бросился на гостя, но тот среагировал быстро – поднял трость и не столь больно, сколько пренебрежительно ткнул её концом в живот Романа. От обиды наш автор совсем потерялся и стоял, прислонив руки к месту удара.

– Как грубо, – произнёс гость уже с явным презрением. – Имейте мужество разговаривать по-людски, без этого варварства. Сядьте в кресло, вы!

Молодой человек перевёл дыхание.

– Ну зачем, зачем вам весь этот спектакль? – он устало ловил взгляд собеседника. – Прошу вас, уйдите...

– Начнём с того, что спектакль здесь устраиваете вы. Я же хочу просто услышать вразумительный ответ. Итак, что вы решили с рукописью?

Роман в бессилии повалился в кресло.

– Господи, что вы говорите, – прошептал он, чувствуя, как всё тело начинает охватывать лихорадочный озноб. – Конечно, жизнь, её жизнь.

– Bravo, – незнакомец беззвучно похлопал ладонями, – великолепно!

– Возьмите лучше мою.

– А такого пункта в нашем договоре не было.

– Как вам только в голову пришло сделать Варю предметом своих гнусных промыслов! – резко бросил Роман в ответ.

– Скучал, знаете ли, бродил по лесу. А тут такой случай – вы подвернулись. И потом, если хотите, хотел лишний раз убедиться в том, что род людской не такой уж пропащий. У тебя есть выбор. Но помни – ты не единственный, кто хотел бы оказаться на этом месте. И с гораздо меньшими хлопотами для нас.

Переходя от язвительного «Вы» на фамильярное «ты», он закончил монолог и медленно встал.

– Так давайте рукопись.

Писатель указал ему на стол.

– Она в этой папке. Забирайте, и оставьте в покое меня и Варю. И не смейте больше даже думать о ней.

Гость медленно приблизился к столу, положил трость на папку с романом.

– Да, – глухо сказал он через паузу. – И написанное от руки – тоже. Это был крах последней надежды.

– Будьте вы прокляты, – Роман с отчаянием выдернул ящик стола, листки веером посыпались на пол. Гость нагнулся и взял рукой часть из лежавшей под ногами кипы. Повернулся в сторону камина, поднёс к нему руку с исписанными страницами. Они легли на начинающие остывать дрова, потемнели посередине и вспыхнули ярко-оранжевым пламенем.

– Ну вот, а кто-то говорил, что рукописи не горят, – задумчиво и с некоторым огорчением промолвил незнакомец, наблюдая, за пожирающим бумагу огнём. – Смотрите, как ещё горят!

У Романа в голове стучало: «Он сжигает мой роман, цель всей моей жизни, безумец... Или это я – безумец».

Писатель никак не мог до конца поверить, что всё сейчас происходящее – реально. Тем временем гость, в который уже раз, склонился над упавшими страницами рукописи, не спеша собрал их в обе руки, поднёс к камину и всё бросил туда, на мгновение придавив листы ладонью.

Сердце разрывалось у автора, когда он увидел, как с новой силой запылали его письма, превращаясь в пепел и уходя в небытие.

– Прах праху... – в голосе ночного гостя слышалась недобрая насмешка.

Затем всё так же не торопясь он подошёл к столу, придвинул к себе папку и потянул за тесёмки.

«Он сожжёт роман, – эта мысль мгновенно, как игла, поразила писателя. – Его ничто не остановит. Сожжёт дотла!» Многодневный, измотавший нервы автора труд исчезнет без следа в этом адском пламени.

Не будет ни книг, ни тиражей, ни признания, просто потому, что не будет второго такого романа. Он не сможет его повторить. Невозможно допустить, чтобы безумец это сделал! Да-да, безумец, чьим чарам он малодушно поддался. Ещё не поздно его остановить, прекратить это наваждение...

Гость раскрыл папку, поднял её и ступил к огню. Низко склонился к пылающему камину, занёс руку. Через секунды всё будет кончено. Не отдавая себе ясного отчёта, чувствуя только отчаяние и страх перед грозящей утратой, бессильный перед пылающим пламенем и занесённой над ним рукой:

– Не надо! Нет...

– Хорошо, – едва слышно прозвучал голос. Настолько тихо, что в этот момент у Романа закралась надежда, что он оказался неслышанным.

Но гость остановился, резко развернувшись.

– Действительно, зачем? – он отступил от огня. – Слово сказано. Вот ваш роман, – теперь уже бородач бросил папку на пол, и листы рассыпались. – Страницы немного спутались, но ничего, разберётесь.

Взял со стола трость.

– Позвольте считать с этого момента наш договор исполненным, – донеслись до писателя слова, но как будто издалека. – Всё, что вам было обещано, вы получите сполна, запаситесь каплей терпения. Можете не сомневаться в правдивости моих слов, первое обязательство я, как и обещал, исполнил – ведь роман написан.

И, слегка поклонившись, вышел из комнаты.

«Вот и свершилось. Что я наделал, что натворил?»

Шатаясь, наш герой выбрался в коридор.

– Стойте! – с криком отворил дверь, бросился к перилам – никого не было. Босиком помчался вниз по лестнице, выбежал на ночную улицу, едва освещённую фонарями, всматриваясь в одну сторону улицы, в другую – ни души. Хотя не прошло и полминуты, как он пустился гостю вдогонку, но вокруг – ни намёка на движение; пустота и тишина.

Пустота вокруг, пустота внутри. Вернулся домой. Знобило. Только теперь Роман заметил, что правый рукав пижамы выпачкан чем-то багровым. Снял рубашку и увидел ранку – кровоточили царапины, те самые. Затянувшиеся швы разошлись точно по линиям, и кровь сочилась всё сильнее, уже густо капая.

Молодой человек обхватил голову руками и опустился на пол, прямо на растекающиеся в разные стороны кровавые пятна.

Глава 9

Взмах крыла

Рассвета Роман боялся, как преступник, которого ожидает казнь с первыми лучами солнца.

Одеревеневшей рукой набрал её номер, но трубку не взяли – наверное, отключили телефон с вечера. Он на несколько секунд застыл в оцепенении, потом пал на колени перед маленьким образом, висевшим на стене.

Молиться он совсем не умел, поэтому твердил только, то и дело сбиваясь: «Спаси и сохрани её, Господи, спаси и сохрани». Так он повторял и повторял до самого утра.

Этой ночью Вари не стало. Она покинула жизнь во сне – тихо, без признаков боли. И сама даже не успела почувствовать приближение вечного холода. Только приснилось, что превратилась в птицу, с лёгкими белоснежными крыльями. Девушка никогда не видела таких чудесных птиц, и очень этому удивилась. Но ещё больше удивилась, когда поняла, что птица – это она сама, что можно не только смотреть на эту неё, но и самой взмахнуть крылами и увидеть весь мир. И вот Варя сделала взмах, другой, третий – и плавно взлетела. Полёт вызвал восхищение и радость: она кружилась, поднималась всё выше, оставляя внизу прожитую жизнь, дома и улицы, знакомые с детства, моря и реки, где она так любила качаться на волнах, оставляя своих близких, родных, знакомых, оставляя все пережитые радости и печали, мечты, музыку...

Осталась только эта свобода – неведомая, влекущая вверх, к неизречённому свету. Она умерла улыбаясь. И девушке не дано было знать, каким земным мраком обернулась такая светлая смерть для людей, любивших её.

Как только наступило утро, Роман спешно вышел из дома. Неприбранная постель, брошенное ружьё, камин, в котором ещё тлела зола, листы на полу – ничего не коснулась его рука.

Возле трамвайной остановки повернул за угол дома, где обычно продавала розы изумительной, но уже увядающей красоты женщина. Три чайные розы юноша всегда дарил при встрече Варе. На этот раз вместо роз в корзиночке виднелись нежные лепестки лиловых орхидей. Купив букет, Роман сел в трамвай и поехал привычным маршрутом. Вот недалеко от дома сквер со скамейками, где они сидели рядышком иногда. Вот пруд, где зимой, взявшись за руки, вычерчивали коньками круги по серебряной глади.

Из окна трамвая он смотрел на весенний город. Двери с шумом открывались, люди входили и выходили, звенел звонок, но для этого пассажира все звуки и движения были не более чем какими-то неясными отголосками.

Проехали площадь. Это означало, что осталось ещё около пятнадцати минут езды. Их нужно было как-то прожить. Писатель уже ничего не хотел – ни почестей, ни славы, только бы она протянула руку за цветами и чмокнула в небритую щёку... Вот и эта остановка – чуть впереди знакомый дом, три окна под крышей.

Что происходило дальше, запомнилось небрежно оборванными кусками.

Вот он выходит на остановке один, трамвай, звякнув, трогается с места и уезжает. Переходит улицу, заходит во двор. Вход здесь. Вроде бы всё как обычно, ничто не предвещает ни особой радости, ни печали. Убрав целлофан, Роман оправляет лепестки, ощущая влажный аромат. Держит орхидеи осторожно – уж очень хрупки. Ступает в прохладу подъезда, поднимается по лестнице на третий этаж.

Из квартиры на втором этаже неожиданно выходит мальчик-школьник, катит впереди себя футбольный мяч. Затем быстро и радостно захлопывает дверь и бежит вниз – во дворе его ждут друзья. Молодой человек останавливается перед знакомой дверью и замирает: она обита дерматиновой тканью и ватой, поэтому звуков из квартиры почти не слышно, но он различает – по квартире ходят, говорят. Значит, дома кто-то есть.

Нажимает на кнопку звонка, прозвучавшего на этот раз слишком долго. Секунды ожидания растянулись в каком-то неземном измерении. Дверь открылась, и перед Романом появилась мама Вари, с осунувшимся лицом и невидящим взглядом. Та, излучавшая саму энергию жизни женщина, с которой он только вчера разговаривал по телефону. Между вчерашним вечером и сегодняшним утром она прожила как будто полвека, сжавшиеся в эти несколько часов. Волосы сбились в неуклюжий пучок, глаза поблекли, спина забыла про осанку. Что было у неё внутри, Роман боялся даже думать.

– Варя... – роняет женщина. Видно, как же невыносимо трудно ей выговорить следующее слово.

– Что... Варя?... – спрашивает он, но, кажется, уже всё понимает.

– Она...

И не может договорить, завывает по-звериному. Кто-то подходит к ней сзади, подхватывает под локти и уже безудержно рыдающую уводит в комнату.

...Незнакомый голос тихо произносит: «Варя умерла сегодня ночью».

У Романа в голове эхом отозвалась эта фраза, запульсировала, нарисовалась её обликом – всегда радостным и счастливым. Он вступает в квартиру. Какие-то люди в прихожей, несколько человек, – вероятно, родственники. Врач в голубом халате, печален, но более сдержан, закрывает чемоданчик. Мимо проходит бабушка, говоря то ли себе, то ли кому-то:

– Варенька уснула... Зачем все её будят, Вареньке сегодня не надо рано вставать.

– Странный случай, – врач поворачивает голову в сторону Романа. – Остановилось сердце. Быть может, инфаркт, но в таком возрасте? Мой приход уже не мог ничего изменить.

– Могла ли она умереть... не своей смертью?

– Вопрос уместный. Но никаких видимых признаков нет, – отвечает доктор молодому человеку, задумавшись, и приоткрывает дверь.

Люди спешно расступаются, и Роман проходит в комнату.

Девушка лежит укрытая одеялом по плечи, руки покоятся вдоль тела. Если не знать, то кажется, что она спит безмятежным утренним сном. Но кровь уже оттекла от лица, и оно бледно, словно белый лик ангела.

– Я принёс тебе цветы. Положу сюда, хорошо?

В эту, пока недоступную для ясного осмысления секунду, наш автор всё же отмечает, как Варя прекрасна. Припадает губами к руке. – В ней нет того мертвенного холода, которого все так боятся. И Роману кажется, что тонкие пальцы девушки вот-вот ответят на прикосновение, вплетутся в волосы, погладят его измученную за последнюю ночь голову. Но они безответно покоятся на одеяле...

Дверь открыли, о чём-то зашептались. Значит, пора уходить.

– Прости меня... – шепчут его губы чуть заметно. И её – будто улыбаются в ответ.

Глава 10

Оплавленный набалдашник

И вот Роман успешен, богат и обласкан. Окружён несчётным числом верных друзей и охочих до любви красавиц. Казалось бы – всё всем доказал?

Но чего не хватает нашему герою? Зачем нехоти раздражается, почему ночами подолгу сидит в особняке у окна, с давно потухшей сигарой и остывшей чашкой крепкого американо?

Так или иначе, но с каждым днём он всё отчётливее ощущал, что былая потребность в прелестях красивой жизни притупляется больше и больше. Чтобы чем-то заполнить давящую пустоту, молодой человек несколько раз принимался что-то писать, но дальше кое-как слепленных набросков дело не шло – будто мысли все истощились о ту рукопись.

Даже встречи с читателями, – бурные и восторженные, стали тяготить нашего писателя. Внутри стучало: «Это всё не твоё, это чужое. И скоро откроется подлог...» Тогда он вырывался из душной громады своего жилья на просторы улиц, бродил по скверам, сворачивал в бары. Но резко-мятный вкус мохито только щекотал язык и нервы, не доставляя ни радости, ни удовольствия.

В один из подобных дней Роман ясно понял, что стоит на грани катастрофы. Ещё немного, и он либо сойдёт с ума, либо сведёт счёты с этой жизнью. Надо что-то делать, что-то менять, куда-то бежать! Но что? Куда?

Туда, где тепло и покой, где душу не терзают муки сомнений, нет укора за содеянное, а добрые бабины руки вечерами месят тесто для утренних оладий.

С первыми лучами солнца наш автор вызвал такси и отправился на вокзал. Так же, как несколько лет назад, к первой электричке. Однако теперь просидел весь путь с опущенной в ладони головой...

На первый взгляд в деревне ничего особенно не изменилось. Только старые домики в три окна поредели. Путник направился было к ставшему когда-то ему почти родным дому на окраине. Но, подойдя ближе, увидел, что окна глухо заколочены крест-накрест.

Повернул обратно и пошёл к острову. Тропы остались прежними – узкими и извилистыми. И так же котлован выделялся разбросанными камнями. Только посередине чернел большой круглый след от костра.

А рядом – оплавленный набалдашник... с мордой беса.

Прорыв к Победе

ОЧЕРК

С пословицей «Первая пуля – водителю» мой дед, Мусатов Дмитрий Григорьевич, спорил все четыре года войны .

Да видно, услышана была небесами шептавшая денно и ночью молитвы мать, и недаром жена зажимала кулачки двум сынишкам – почти погодкам, чтобы пуля-дура летела мимо батьки (старшим из сыновей был мой отец , было ему в июне сорок первого четыре годика, а младший в том году только появился на Свет, с большой натяжкой напоминавший Божий).

А ведь вместо фронта возможность остаться в родном тылу была. Дед его (получается, мой аж прапрадед), а затем и отец, занимали руководящие посты в железнодорожном управлении Коломны. И директор, в самом прямом смысле знавший с пелёнок сорванца-Митюшку, продолжателя известной в городе династии, предложил ему работу по техническому обслуживанию составов.

Это было Дмитрию Мусатову близко, потому что сизмальства любил он разбирать и собирать всё, что только возможно, и с особым удовольствием, часами мог ковыряться с велосипедами. Поэтому после школы пошёл работать, конечно же, водителем, и к своим двадцати пяти годам с техникой был уже на уверенное «ты».

Хотя работа на крупном железно-дорожном узле Голутвин и в мирное время была на износ (не зря же работники железной дороги приравнялись к военнослужащим), но всё же – не фронт. Так думали до тех пор, пока немецкие самолёты не начали бомбить город, особенно машиностроительный завод, мосты и вокзал. А эшелоны всё шли и шли непрерывным потоком, отстукивая колёсами «Туда-туда, на фронт-на фронт».

Но только все эти разговоры «для своих» были не по душе Дмитрию. Мало того, что дед его был из «бывших», так ещё сестру угораздило выйти замуж за инженера из «тех же». Так что косые взгляды соседей нет-нет, да и поцарапывали. Ему-то что до этих соседей... А вот матери и жене с пацанчиками нужен какой-никакой, а всё же мир.

Нахлебались за двадцать-то с лишним лет...Отец, Григорий Васильевич, тогда начальник эксплуатационного отдела Голутвинской

станции, готов был продолжать работать и при новой власти. Ведь жители города, так, как прежде, но всё же жили как-то, куда-то ездили.

И он стал служить так же, как всегда – профессионально и ответственно. Но ходить на митинги, вступать в ряды никак пока ещё не зарекомендовавшей себя на деле партии, и тем более агитировать за неё своих коллег и знакомых – а это вся техническая элита города... Погодите, ребята, дайте к вам получше приглядеться. Но приглядеться не дали. Что называется, без суда и следствия, комиссар в антрацитно-блестящей кожанке «совершил правосудие» прямо в кабинете, среди рабочего дня, – «за саботаж».

Только саботаж устроили потом сами поезда – при новом начальнике, вихрастом деревенском паренёке, у которого в подчинении теперь оказались много лет варившиеся в этом бурлящем котле специалисты, которые не то чтобы боялись спорить, но уже став свидетелями быстрой расправы над «умниками», понимали бессмысленность любого замечания. И вот составы почему-то стали приходить не на те пути, не в то время, одни уходили пустыми, другие, уже гружёные, неделями не двигались с путей, загромождая движение.

Однако комиссары в антрацитовых кожанках, похоже, были озадачены другими проблемами. Так, власть города не дала разрешения поставить гроб на привокзальной площади, для прощания сослуживцев и горожан. Так что весь день для желающих попрощаться дом был открыт.

Везти гроб в храм (пока ещё не закрытый) на отпевание жена не решилась, а потихоньку договорилась с батюшкой, чтобы отпел заочно. Побоялась и крест ставить на могиле. (После того, как оказались разбитыми фамильные надгробья родственников мужа с упоминанием принадлежности к дворянскому сословию). Поставили простой, сероватый гранитный камень, с именем и двумя датами.

Тогда же вдова со стены сняла фотографию, спрятала под бельё на дно комода. На фото рядом стояли начальник отдела железнодорожных перевозок Василий Алексеевич Мусатов и основатель

Коломенского машиностроительного завода Аманд Егорович Струве. Запечатлено было историческое событие 1895 года, когда Коломенский завод изготовил специальный служебный поезд – с электрическим освещением, и состоявший из салонного, директорского, служебного, столового вагонов и вагона-электростанции.

Но в сорок первом про обиды на «революционные методы» надо было забыть...

Дед видел себя только на фронте, в связке с какой-либо техникой. Хотелось конечно в танкисты, но понимал, что не подходит ростом. Высокий и статный, нарасхват у девчат, зато не в танковых войсках. Взяли водителем, в 11-ю мотострелковую бригаду.

Военком утешал, похлопывая по плечу, мол, виртуоз-водитель на войне – боевая единица тоже очень полезная. В его словах Дмитрий Мусатов особенно убедился, когда бригада, прибыв в состав 10-го танкового корпуса, сразу же попала в эпицентр «Жиздренской» операции. Цель немцев была далеко идущей – окружить Кирово-Сухиничскую группу войск и занять Калугу, тем самым создав явную угрозу для Москвы. Не случайно сюда были направлены старейшие кадры Гитлера, участвовавшие в европейских походах с самого начала войны.

К операции были подготовлены пятьдесят тысяч пехотинцев, танки, бомбардировщики, истребители. Меж тем не в меру самоуверенными фашистами уже был отдан приказ отпечатать листовки «О прорыве русского фронта и падении Сухиничей и Козельска». В июне 42-го они продуманно нанесли удар на стыке 61-й и 16-й армий, причём одновременно тремя танковыми клиньями. И одному из этих клиньев удалось-таки прорвать оборону в районе Котовичей и Дмитриевки. Танки вышли на правобережную равнину Жиздры и устремились к реке. Здесь и встретили их наши части, едва-едва успевшие занять оборону на другом берегу.

Собрали двенадцать тысяч советских новобранцев. Время им не позволяло заняться самым элементарным обустройством. Интенданты не успевали оснащать армию ни вооружением, ни боевой техникой.

О самом необходимом кухонном инвентаре и пище не было даже речи. Солдаты жевали мох. Он же, слегка нагретый за день, ночами, не всегда тёплыми, служил солдатам постелью под открытым небом. Надо было срочно из хлеборобов превращаться в воинов. Прямо перед боем обучались они стрельбе из винтовок и пушек, постигали азы рукопашной схватки...

А фашистская авиация бомбила и бомбила наши подразделения, но особенно яростно – пути подвоза боеприпасов.

Транспорта тогда у советских частей не хватало катастрофически. Частично комплектовались ЗиСами-5. С началом войны к названию добавилась буква «В» (ВОЙНА), а машины были предельно упрощены (кабина стала из фанеры, крылья – угловатыми, и всего одна фара!). Но нет худа без добра – благодаря вынужденному облегчению машина стала более мобильной, шустро доставляя солдат и боеприпасы, продовольствие и обмундирование. За день дед «наматывал» не менее пятисот километров.

Для сведения. – За годы войны автотранспортом было перевезено свыше 625 млн тонн грузов (что соответствует 39 млн железнодорожных вагонов). Это составило 55% (!) от общего объёма перевозок. Таковы цифры статистики. Какова при этом была опасность для водителя, никто, разумеется, не подсчитывал.

«6 июля 1942 года группа немецких бомбардировщиков бомбила деревню. Изба, возле которой находилась машина т. Мусатова – горела. Вскоре загорелась и машина. Бросившись к машине, т. Мусатов пытался открыть дверь кабины, но она оказалась запертой. Не растерявшись, т. Мусатов ударом руки выбил стекло дверцы кабины, влез внутрь, завёл мотор и повёл машину к реке, где огонь был потушен, и в результате машина оказалась не повреждённой, и груз мин, которым была нагружена машина, оказался спасённым».

Это лишь хронологическое описание боевой заслуги в наградном листе. А что пережил дед в горящей кабине из фанеры... Вокруг кричали: «Прыгай, не дотянешь!». Да кому, как не ему было понятно, что шанс не подорваться с грузом из мин – один из тысяч. Но дотянул-таки до речки!..

В ноябре 1942-го года Мусатов Дмитрий Григорьевич был награждён медалью «За отвагу».

Дед поступком своим не то чтобы не гордился, но считал, что поступить иначе просто было нельзя.

Благодаря такому несложному принципу советских солдат задача – остановить фашистов – была выполнена. И уже с августа 42-го 10-я танковая дивизия вела наступательные бои. Так закончилась последняя попытка гитлеровцев продвинуться на московском направлении.

И покатила 11-я мотострелковая дальше.

«За проявленное мужество в боях на территории нацистской Германии» дед был награждён Орденом Отечественной Войны.

Но охотнее он вспоминал об «общебригадных» заслугах, о которых рассказывал с удовольствием и уже не без гордости.

Бригада заслужила почётное наименование – Танненбергская. Приказ НКО № 073 от 26.04.1945 «За отличие в боях при вторжении в южные районы Восточной Пруссии и овладении городами Найденбург, Танненберг, Едвабно и Алледорф». Указом Президиума ВС СССР от 03.11.1944 «За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками, за овладение городом Рига и проявленные при этом доблесть и мужество» награждена Орденом Красного Знамени.

Ведь именно такие, «коллективные» подвиги по-настоящему и отражают обстановку войны. Всех одинаково изматывали холод, голод, предательские мысли о нескончаемости мучений. В окопе одинаково на всех делился последний кусок, глоток, затяжка махорки. Выживали общей мечтой – посидеть у костра, перебрасывая с ладони на ладонь обжигающие картофелины.

И перед смертью все были равны, и одна на всех была ноющая в сердцах боль – «Как там мои?»

А сводки деда не радовали – Коломну бомбят. Жена вот пишет, что детишки во дворе при приближении гула самолёта прячутся под тапки. Эх, страусята мои... Сама чуть свет на завод уходит.

Ай да бабы и старики с подростками, за полтора месяца бронепоезд построили!

В годы войны в КБ Коломны проектируются минометы, был изобретен СГ-43 – знаменитый станковый пулемет, бывший в использовании ещё более 20 лет после войны.

Десять тысяч похоронок пришли в коломенские дома вместо сыновей.

Из трофеев дед привёз велосипед. От души колесили на нём подростки за годы войны сыновья по тянувшейся через весь город, вдоль железной дороги, улице Октябрьской Революции. А вслед за ними бежала гурьба ребят, споря – кто следующий.

Дед дожил до 1999 года, чуть-чуть до 21 века не дотянул. Пока был в силах, так и работал водителем на Коломенском заводе. Когда глаза начали подводить, пришлось уступить место молодым. Но продолжал работать – обучал вождению новичков.

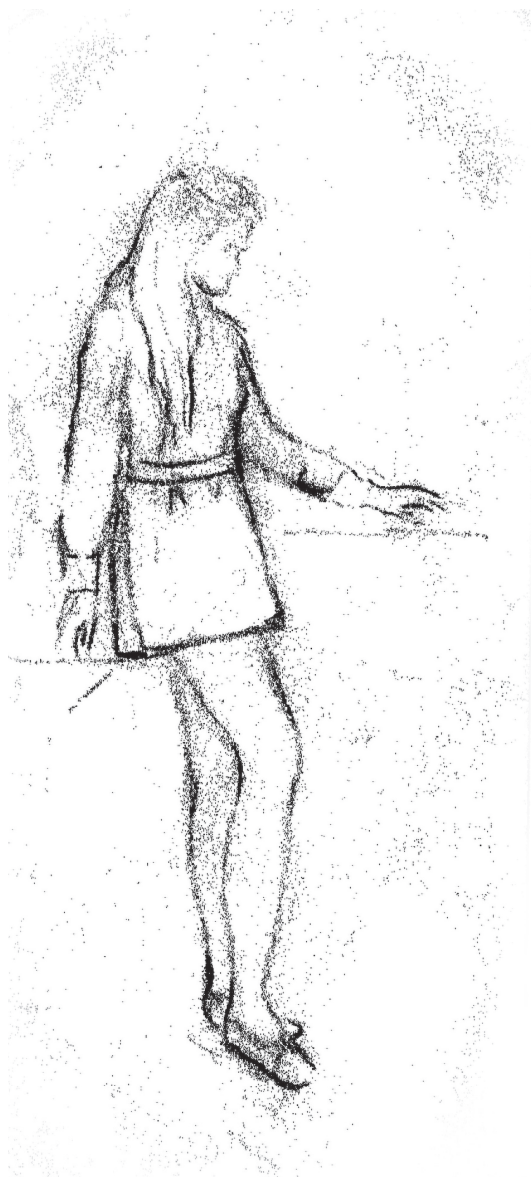
Дома иногда он говорил: «Ну, детишки, может, чайку сообразим?». Это означало, что сейчас мы все, кто был дома, быстренько достанем с полок нехитрые магазинные сладкие запасы – сушки, карамельки; конечно, домашнее, обычно из чёрной смородины, варенье, нарежем толстыми ломтями пушистый ситный хлеб, и тесно усядемся за круглый стол. Дед медленно, вприкуску с сахаром (с одним куском – два стакана, хотя сахара было вдоволь, – но эта привычка уже глубоко вжилась со времён не очень-то сытого детства). Потом начинались рассказы – истории из долгого жизненного пути. Говорил и про войну, но старался как-то полегче, выбирая моменты весёлых случайностей. Которые приключались там, в ряду невесёлых не случайностей. Но об этом он говорить не любил...

V

РАССКАЗЫ

Ожидание Волшебства

«Школьница», художник Марина Кабанова

В третьем классе я была влюблена в девятиклассника Колю. Как угораздило нас встретиться – непостижимо! Младшие и старшие ученики занимались не просто на разных этажах – даже входы в школу были разные. Однако, судьба знает заветные дорожки.

В моём детстве на новогодние представления в школу не приглашали артистов. Нелегко было их найти, да и недёшево для родителей. В Деда Мороза и Снегурочку превращались ученики. Один год роль Деда Мороза исполнял учитель физкультуры, которого все моментально узнавали. После такой его метаморфозы на уроках горе-ученики предлагали вместо лыжного кросса почитать стишок или спеть.

Так что после этого неудавшегося эксперимента выбирали подходящего молодца и «назначали», не взирая на всяческие отнекивания, Дедом Морозом. С девочками было проще – каждая вторая мечтала стать актрисой. Я, начиная с третьего класса и до последнего, была Снегурочкой. За две недели до представлений начинались репетиции. Их проводили ближе к вечеру, когда школа пустела и учителя освобождались. Но иногда меня забирали прямо посреди урока, к общей зависти класса (однажды мне за это объявили бойкот) и недовольству учителей. Тем более, если шла контрольная. Приходилось потом в одиночку разбирать материал. В основном всё давалось не сложно, но с физикой и химией велась борьба. И всё же я знала, ради чего иду на такие жертвы...

Итак, я впервые была Снегурочкой! А Дедом Морозом стал он, девятиклассник Коля. Сценарий был написан учительницей литературы от руки и в одном экземпляре. Рукопись, как самой младшей, давали мне. Сначала просто проговаривали роли, сидя рядом на стульях. Коля, до последнего дня не знавший свои слова, наклонялся надо мной, подсматривая в шпаргалку. Как по мне, так лучше бы он этот текст вообще раньше никогда не видел.

Перед началом представления вожатые колдовали надо мной. Задранный до макушки хвост распадался по плечам белокурыми

локонами. Щёки румянили, губы красили перламутровой помадой, подводили косметическим карандашом бровии – о чудо! – наносили на ресницы польскую (!) тушь.

Сейчас, когда малышек приводят в детский сад с накрашенными ноготками, трудно представить тогдашний мой восторг. А у нас, в классном в шкафу, стояла бутылка с ацетоном.

На неё учительница сразу переводила взгляд, обнаружив остатки лака на ногтях (который нещадно соскабливался на перемене лезвием). Малейшие признаки на лице косметики отправляла смыть в туалет.

Так, во всей своей красе, я предстала перед отрадой моего сердца! И вот, представление началось! После волшебных слов «Ёлочка, гори!», Дед Мороз, по сценарию: «берёт за руку Снегурочку, и они идут вокруг ёлки, приглашая ребят на хоровод». Он, смущаясь, протягивал руку к моей ладошке с нелепым серебристым маникюром и держал её бережно, будто боясь сломать мои тонкие и хрупкие, как сосульки, пальчики – и такие же холодные от страха.

Он не отличался чем-то особенным. Но, во-первых, так близко с мальчиком я никогда раньше себя не ощущала. А во вторых, он учился в старшем классе, что означало для меня приближение к взрослому миру.

Мы стояли рядом, среди кружащихся Снежинок с капроновыми бантами, летящих из-под потолка пёстрых конфетти и золотых ленточек дождя; манящего аромата хвои, музыки...

Это были две недели волшебства! А за день могло проходить по два, а иногда и три представления!

После каникул Зал Волшебства обернулся столовой. Всех огорчило, как же быстро пролетели дни. Только не меня. Придя в школу пораньше, я пробиралась по боковой лестнице на второй этаж, благо что меня уже вся школа «знала в лицо» и дежурные пропустили.

Я мчалась к расписанию, оттуда пулей к нужному кабинету. Затем, как ни в чём не бывало, прохаживалась. И «мимоходом» наталкивалась на Него. Коля улыбался, недоумённо спрашивая: «Приветик, а ты чё тут делаешь?».

– Так, Раиса Иванна просила подойти, насчёт стенгазеты (знать не знавшая, конечно, об этом).

– А, ну удачи...

Терпение дежурных по лестнице я не решалась испытывать часто, но дольше недели разлуку не выдерживала. Тогда после занятий подходила к выходу старшекласников. Уроки у них заканчивались часа на два позже наших, а я всё стояла там как вкопанная, иногда с синюшными от холода губами, и ждала... И когда Он, идя мимо, слегка приостанавливался всё с тем же вопросом «а чё ты тут делаешь?», то, уже без сил и вдохновения, я могла только вымолвить что-то вроде «договорилась встретиться с подружкой». И всё это ради его «о, привет!» и «ну, удачи!»...

Летом надежды на встречу не было никакой. Он жил не в посёлке, а в прилегающей деревне. Однажды я отважилась сделать туда марш-бросок. Медленно шла по улице, тянувшейся вдоль шоссе. Но меня встречали только закрытые калитки, а любознательные бабульки, приподнимая головы от грядок, провожали взглядами. И очень пугали внезапно высывавшиеся из-под заборов чёрные и рыжие собачьи морды. После такого похода я провела лето на Островном озере, зачитывая тоску восьмью томами Конан Дойля.

Наконец, первое сентября! На торжественной линейке каждый класс кучковался отдельно, но я Его всё-таки высмотрела и, после торжественной речи директора, метнулась к 10-му «В». Он, увидев меня, обрадовался и как-то даже удивился: «Снегурочка! Не растаяла?». А я и в самом деле таяла... Редко, но случались и по-настоящему неожиданные «столкновения», обычно в столовой на перемене. Тогда я не была готова к встрече и, опустив глаза, лепетала что-то несвязное.

И вот, четверть промчалась. Затем, как и год назад, началась подготовка к Новому Году. Старший пионервожатый попросил зайти к нему после уроков. Тогда, подходя к знакомому кабинету вожатых, я не знала, чего бояться больше – что Его там не будет, или наоборот...

А Он стоял возле стола и читал сценарий.

Едем в гости...!

*Автор с родителями – Зоей Абрамовной и Владимиром Дмитриевичем.
Коломна, 1964 г*

Помню, в детстве родители брали меня за ручки, и семья дружно отправлялась в гости – из Белоозёрской в Коломну! К брату мамы, или сестре отца, или к любой другой родне – какой бы водой на киселе мы ей не приходились, всюду нам были одинаково рады.

Собравшиеся на общенародный (не по названию, а по настоящей своей сути) праздник рассаживались за длинным или круглым, огромным, как мне тогда казалось, столом. Самовара, не стану лукавить, не было. А вот съестными дефицитами начинали запасаться загодя, при всяком удобном случае.

То по оказии невыполнения магазином плана «выкидывали» копчёные колбасы и ветчины, шпроты, зелёный горошек, банки из-под которого потом долго ещё украшали подоконники с геранью и столетниками. И всегда на столе была селёдка. Её, говорили, давали в нагрузку (по рубль тридцать за кг).

Видимо, её было в магазинах в избытке. И ещё в те времена на предприятиях сотрудникам выдавали продовольственные наборы – кофе, сгущёнку, гречку и другой дефицит. Часть из набора откладывали для гостей – обязательно индийский чай со слоном. Себе заваривали попроще, грузинский.

Итак, рассадив за стол детишек, мамы стелили на их острые, вечно поцарапанные коленки вафельные полотенчики и начинали усердно подкладывать в тарелки ровными кучками салаты-винегреты, из которых мы, в первую очередь, выковыривали любимые зелёные горошинки.

По краям тарелки веером располагались кружочки колбасы, тоненько нарезанная красная, а иногда и белая рыба; ломтики сыра с дырками, в которые дети совали пальцы, за что получали подзатыльники от отцов.

За считанные минуты все эти вкусности в тарелках превращались в единую кашу-малашу, которую дети сосредоточенно запихивали за обе щёки, запивая неподражаемой оранжево-сладкой газировкой с чудным названием – ситро.

И вот праздник в самом разгаре. Родители оживленно беседуют, а дети, все как один, ждут – когда же им выдадут бисквитное пирожное, с кремовым листиком, грибочком, а кому повезёт и с розочкой – за 22 копейки. Когда же и это их желание исполнялось, мамы со спокойной душой выпускали нас из-за стола. И мы, очумевшие от изобилия вкусной еды, а теперь ещё и полной свободы, принимались носиться по комнатам, верандам и лестницам.

Особенное раздолье было у сестры моего отца – она работала заведующей центрального универмага, но жила в коммуналке, с мамой, мужем и дочкой – моей ровесницей. Нам, детям, были, конечно, невдомёк «прелести» их коммунальной жизни – для нас этот бесконечный коридор служил идеальным полигоном для прятков и догонялок.

Мы залезали за хранившие в себе тайны старины комоды, буфеты, радовавшие глаз ещё наших прабабушек, любили прятаться за кованый сундук с алым бархатным покрывалом... Умудрялись кататься на соседском, расшатанном трёхколёсном велосипеде, хозяин которого был уже старшеклассником, но вещь не выкидывали – берегли для внуков.

Тем временем взрослые, не менее довольные тем, что сытые детишки у них уже ничего не просят, не торопясь продолжали вести застольные разговоры. Мамы рассказывали о талантах своих отпрысков, громкий смех и топот которых не прекращались за дверью ни на минуту, отцы обсуждали советские достижения в авиационной и ракетной сферах (именно там работала вся мужская часть наших семей).

Обменивались самиздатовскими зачитанными книгами – «Мастера и Маргариту» на «Ивана Денисовича», Бродского на Цветаеву. Слушали записи Петра Лещенко, Лидии Руслановой, Вертинского.

Но вот детей звали пить чай с вишнёвым вареньем, вручали каждому кулёчек из тетрадного листа с набором шоколадных конфет – это означало, что пора расходиться.

И перед тем, как отцы пожимали друг другу руки, один из них произносил: «Ну, на следующий праздник – к нам?»

Всё. Этого было достаточно, чтобы спустя два, а то и три месяца в назначенный день и час гостей ждали открытые двери, вкусный стол, новинки катушечных кассет и пластинок фирмы «Мелодия».

Теперь двадцать первый век – век техники, но, увы, не науки, не слова, не ответа за сказанное. Мобильная телефонная связь демонстрирует невероятные возможности, не говоря уже о фантастическом для поколения моих родителей интернете. Вот братья Николай, Андрей и Виктор в Новогоднюю ночь по скайпу поздравляют друг друга, желают здоровья и договариваются о встрече на Первомай.

Виктор – Давайте ко мне, я как раз к майским ремонт закончу.

Андрей – Не, лучше у нас, мы караоке купили.

Николай – А я веранду к лету застеклю на даче, шашлык-машлык забацаем.

– Ну, тогда давай у тебя, Колян.

– Замётано!

К разговору возвращаются в марте. Создали группу на ватсапе.

– Колян, ты как, веранду застеклил?

– Да стёкла только достал. На майские как раз ставить будем...

– А...

– Витёк, привет, ну чего, ремонт доделываешь?

– Блин, связался с этим ламинатом. Говорил своей, давай линолеум постелем. До лета бы успеть.

– Ладно, не вопрос. Андрюха, как там твоё караоке?

– В ремонте. Дочке день рождения отметили.

– Ну ладно, давай у тебя – без караоке.

– Да обязательно. Только, на всякий пожарный в апреле на фейсбуке споемся.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.А. Дудин «ТЕ САМЫЕ ЧИСТЫЕ РОДНИЧКИ...»	3
---	---

I. СТИХИ	5
Бессонница	7
Ахматова в Черкизово	8
Осенняя акварель	8
Марафон	9
Брось меня	10
Сон сказочника	11
Расставанье с домом	12
Виват дождям	14
Мой дед	15
Дорога к Храму	16
Ветер налетел	17
Баллада о Плещее	18
Лектор с гитарой	20
Течение жизни	21
Мещерская сказка	22
Сумерки	23
За тайной дверцей	24
В раю	25
Отчаянье	26
Проводы лета	28
Юнкер и генерал	29
Явление чуда	30
Ты прости	31
Истина	32
Кофе остыл	33
Плачет мысль	34
День Татьяны	35
Дней череда	36

II. СОЖЖЁННАЯ ТРОПА. Повесть	37
Глава первая	39
Глава вторая	57
Глава третья	66

III. Роман о Романе	
или Вполне земная история. Роман	73
Глава 1. Лиловая орхидея	74
Глава 2. Бабина сказка	78
Глава 3. Любопытный разговор	83
Глава 4. Причудливая статуэтка	90
Глава 5. На лесной тропе	92
Глава 6. Осень... Зима... Весна!	97
Глава 7. Птица из детства	100
Глава 8. Рукописи горят	103
Глава 9. Взмах крыла	109
Глава 10. Оплавленный набалдашник	113

IV. ПРОРЫВ К ПОБЕДЕ. Очерк	115
---	-----

V. РАССКАЗЫ	123
Ожидание Волшебства	125
Едем в гости...!	129

Литературно-художественное издание

Мусатова Юлия Владимировна

Сожжённая тропа

Стихи и проза

Редактор: Л.А. Дудин

Компьютерная вёрстка: И.Л. Антипова

Дизайн обложки: Д.С. Бубнов

ООО «Издательство Серебро Слов»

Телефон: 8 (916) 964-84-64

E-mail: dogovor.serebro@gmail.com

Сайт: www.tvoyakniga.ru

Интернет-магазин:

www.tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/

Подписано в печать 19.03.20

Формат 148x210. Бумага офсетная

Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «Издательские Технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д.42, корпус 5

Тел.: 8 (499) 322 38 30

ISBN 978-5-907463-31-8

9 785907 463318 >